

ОЛЕГ ДИВОВ

ПРОФЕССИЯ: ИНКВИЗИТОР

ЛЕДИ

НЕ ДВИЖЕТСЯ

Профессия: инквизитор

Олег ДИВОВ

Леди не движется

«ЭКСМО»

2013

Дивов О. И.

Леди не движется / О. И. Дивов — «Эксмо»,
2013 — (Профессия: инквизитор)

ISBN 978-5-699-64494-0

Мир огромен и непрост. Десятки обитаемых планет, четыре гуманоидные расы, центральное правительство и частные колонии, черные пятна на карте Галактики и целые диссидентские государства. Но люди остаются людьми, даже если владеют личными звездолетами и носят чипы-импланты: они по-прежнему любят и ненавидят, открывают новые земли и возделывают старые, торгуют и воюют, создают произведения искусства и совершают преступления. Иногда они убивают. Иногда разные люди пытаются убить Деллу Берг, поэтому в медицинской страховке молодой красивой женщины указаны огнестрельные ранения. У Деллы сложное прошлое, о котором она предпочитает не распространяться. На работе она всегда при оружии, а ее босс весьма своеобразный человек. Его профессия – инквизитор.

ISBN 978-5-699-64494-0

© Дивов О. И., 2013

© Эксмо, 2013

Олег Дивов

Леди не движется

– Мы опоздали на четыре часа, – сказала я.

Эльф, взрослый, одет в форму служащего федеральной транспортной линии. Мы нашли его в щели между стеной ангара и пустым мусорным контейнером, за семь метров от пешеходной дорожки. Эльф лежал на мешке из толстой черной пленки, разрезанном вдоль, скрючив маленькое тельце и неестественно вывернув голову. Темные глазки остались блестящими даже после смерти.

– На четыре часа и одиннадцать-пятнадцать минут, – поправил меня педантичный Август. Сунул руки глубоко в карманы своего квадратного плаща, два раза качнулся с пятки на мысок и уточнил: – Даже двадцать минут.

Над головой нависло тяжелое серое небо. Сыпался легкий, нежный дождик, такой теплый, что влагу чувствуешь, когда уже волосы намокают полностью и с них текут ручьи за шиворот. Мой босс сегодня наложил на прическу столько воска, что капельки усеивали его голову, как бисер, сплошным блестящим шлемом.

Началась осень, а я и не заметила. В этом году на Танире она совпала в кои-то веки с федеральным календарем. Но на побережье шестнадцатое сентября – обычный день под ласковым солнцем у дружелюбного моря. Погода волшебная: ненавязчивое лето. Чтобы увидеть настоящий сентябрь, нужно уехать за тысячу километров в глубь материка, хотя бы по делам, к космодрому. Зато у нас зима всегда рядом, зима по требованию – достаточно подняться от побережья в горы. Я видела сегодня белые снежные шапки, когда мы пролетали над хребтом. Лето, зима, осень сменились под крылом всего за час.

А маленький эльф был уже мертв. Неуместно, оскорбительно для всей Таниры мертв.

Танира – чудесная планета. Ее акварельные восходы и помпезные закаты приводят в восторг самых черствых людей, напрочь лишенных эстетического чувства. На Танире прекрасный климат, настолько мягкий, что, даже страдая тяжелой формой метеозависимости, вы вряд ли почувствуете изменение погоды. Кристальный воздух, самая чистая в Галактике вода и полное отсутствие болезнетворных для человека агентов. Природа, о, какая тут природа! Приехав однажды, вы и думать забудете о других курортах, несмотря даже на заоблачные цены в местных отелях. Все, что вы увидели в туристических проспектах, – истинная правда. Вернее, только часть правды: нет еще технологии, способной передать очарование Таниры на расстоянии.

Здесь, на пляжах Солнечного моря, вы можете встретить всю земную аристократию, всех «звезд» и просто красивых женщин. Сейчас опять в моде натуральный загар, а особенности местной атмосферы позволяют долго валяться на солнце, не боясь получить ожог – поэтому красотки так рвутся сюда.

Я живу на Танире уже год. С тех пор, как мой босс, озверев от переездов, закатил истерику и заявил, что больше с места не двинется. В тот же день он купил себе «домик» и действительно почти не покидает планету. Вместо него по всей Галактике мотаюсь я. Впрочем, именно за это Август и платит мне – и поверьте, достойно платит.

Танира – это рай.

И в этом раю мы наткнулись на трупик эльфа.

Умышленные убийства тут редкость, раз в год уже много. А сейчас – пятый труп за три недели. Всем сломали шеи и бросили за какую-либо преграду – мусорный бак, контейнер на складе, старую машину на бесплатной парковке. Связи между жертвами полиция не обнаружила. Четверо были людьми. Двое госслужащих, один несовершеннолетний студент-негражд-

данин и один частный предприниматель. И вот теперь – эльф. Судя по униформе федерального транспортника, редкий пример инородца с гражданством.

И опять на левой щеке жертвы вырезан крест. Визитная карточка убийцы.

Это просто маньяк, заявил старший эксперт Крюгер. Интересно, он переломит свое самолюбие и обратится к Августу за помощью хотя бы теперь? В криминальной полиции Крюгер стоит на одну ступеньку ниже комиссара, но комиссар – обычный администратор, уже пузо отрастил на сидячей работе. А Крюгер – вынь да положь безопасность и правопорядок круглосуточно, качественно, с гарантией. И что бы ни стряслось на Танире, все сразу понимают, кто на самом деле виноват. Он еще не был виноват в федеральном масштабе, но дело к тому идет.

Танира – пятый по значимости курорт государства, а фактически – главный. Остальные четыре – планеты Золотого Фонда, въезд на них с любыми целями ограничен, и цены на отдых уже не заоблачные, они непристойные. А Танира открыта для всех. И вдруг здесь начали убивать, да еще, как нарочно, совсем не теми методами, которые найдут понимание в приличном обществе. Покойник со свернутой шеей – это грубо, неэстетично и вообще дурной тон. Да и сама по себе трагическая смерть в раю отдает дешевой мелодрамой. Слухи о маньяке обрастают леденящими кровь деталями, полиция опровергает их, туристы паникуют и собирают вещи. Если маньяка не найдут в ближайшие дни, владельцы отелей, санаториев и заведений, где много пьют, разорвут Крюгера на части: они же несут убытки...

– Четыре часа, двадцать минут – и хотя бы на полсекунды раньше, – пробормотала я.

Эльфа убили где-то неподалеку. Первые четыре тела нашли, когда они пролежали самое малое сутки. На эльфа мы с Августом наткнулись полтора часа назад. К этому моменту он был мертв почти три часа. Точнее скажут патологоанатомы – потому что чип с эльфа кто-то снял.

Я отслеживала все публикации по этому делу. Было подозрение: кто-нибудь из родственников жертв обратится к нам. Август делал вид, что ему ни капельки не интересно. Впрочем, да, не его уровень. Обычно он работает с интеллектуально сложными случаями, а здесь особого криминального таланта пока не заметно. Убивают бессистемно – и все тут. Может, убивают тех, кто подвернулся. Тех, кто подставил спину.

Последние две недели Август был занят ревизией своей коллекции и торгами за уникальную серию из десяти моделей. Собственно говоря, мы оказались в грузовой зоне космопорта только потому, что приехали за посылкой. Когда в Августе просыпается коллекционер, я ничему не удивляюсь, а покорно участвую в его любимом сумасшествии. Босс сказал «полетели» – расслабься и получай удовольствие. А я действительно получаю удовольствие: оказавшись в своей стихии, Август тоже расслабляется, и тогда за ним очень интересно наблюдать.

Забрав вожденную коробку с десятком игрушечных машинок, Август направился к летному полю, где оставил свою «Залию». Ему было душно, и поэтому мы, несмотря на легкий дождик, пошли по уличной тропинке. Я опережала его на два шага и, конечно, сразу увидела крохотные ботиночки, аккуратно выставленные мысами к стенке в узкой щели между двумя мусорными контейнерами. Заметить их мог только оперативник, у которого угол зрения – триста шестьдесят градусов. Нормальный человек смотрит перед собой и еще на рекламные метки, ему в голову не придет заглядывать в разные щели. А я заглянула. И сразу все поняла. Чтобы не портить следы, залезла на контейнер и посмотрела сверху. Между стеной ангара и контейнером на черной пленке лежало тельце. Мы вызвали полицию.

Служба безопасности космопорта едва успела накрыть место преступления легким тентом и поставить рядом шатер для криминалистов, как в небе засвистело, и над нами пронеслась целая полицейская эскадрилья. Потрясающая оперативность – несмотря на то, что возглавил группу лично Крюгер. Он всегда так занят, что может добираться два часа до соседнего квартала. Он опоздает на Страшный Суд, потому что окажется занят. В обычный суд он не успел вовремя ни разу. Но сегодня господин старший эксперт был просто молниеносен. Спешил, конечно, пока следы дождем не смыло, все так это и поняли, чего ж тут не понять-то.

– Да. На полсекунды раньше. И не здесь, – сказал Август.

Опять он прав. Здесь от нас не было бы никакого толку: убийца просто сидел бы и ждал с трупом в багажнике. Ждал бы, пока мы пройдем мимо.

Робот-погрузчик подцепил контейнер, поднял его и перенес на другую сторону прохода. Август, не вынимая рук из карманов, лениво направился к Крюгеру. Попутно он заслонил меня широкой спиной от полицейского начальства. Я подошла и осмотрела заднюю стенку контейнера. Младший криминалист, совсем юнец, которого, видимо, забыли просветить, что от меня надо держаться подальше, очень выразительно глянул в мою сторону. Парень явно не прочь был перекинуться словечком.

– Делла Берг.

– Йен Йоханссон, – назвалса парень.

Он был в стерильных перчатках, и я не стала протягивать ему руку. Да и что особенного скажет мне при рукопожатии его ярлычок-визитка? Имя, должность, возможно, образование и место рождения. Имена мы назвали, а остальное я и так увижу – по разговору, по манерам.

– Это ведь Август Маккинби? – Криминалист показал глазами на моего босса. – Инквизитор?

– Он самый.

– Я слышал о нем, еще когда учился. Говорят, у него ни одного прокола.

– М-м... Я работаю с ним два года. При мне – точно ни одного.

– Трудно быть ассистентом у инквизитора?

– Да как тебе сказать... По-моему, труднее, когда изо дня в день рутина, и тебя сковывает миллион условностей. Того нельзя, этого нельзя, и даже работать много – тоже нельзя. Я служила в полиции, на Большом Йорке. – Я выразительно закатила глаза. – Выбирала норму сверхурочных за неделю буквально, а потом меня за каждые лишние полчаса комиссар песочил. Ну куда это годится, а?

– Да уж, – парень криво усмехнулся. – Преступникам наплевать на трудовое законодательство, а честные граждане хотят жить в безопасности круглые сутки. Мы тоже этого хотим – и вдруг такая, хм... Нестыковка. Поначалу было странно. Не скажу, что я привык и понял... Ничего я не привык. И не понял. Но у нас с переработкой терпимо, комиссар не придирается.

– У нас он тоже не придирается... к избранным. Кому-то можно было, а кому-то нельзя. Ты, мол, докажи, что ценный сотрудник, тогда и требуй особого отношения. Я говорила – хорошо, докажу. А мне – ты тут без году неделя, сначала покажи, что достойна доверия. Сложно было.

– Бывают такие коллективы. Я на стажировке видел. По-моему, это сильно вредит делу.

– Кто бы спорил. Мне еще бывший муж свинью подложил. Он-то животное социальное, в отличие от меня. Подружился со всеми в управлении, ходил в офис как к себе домой.

– Посторонний?! – Йен не поверил своим ушам.

– А он, извини за выражение, аристократ. Наш комиссар любил повторять, что его должность требует дипломатии, и он не станет ронять престиж полиции, ссорясь из-за меня с элитой. Из-за меня! У него посторонний наглеет, а виновата – сотрудница... Ну и едва мой бывший намекнул, мол, беспокоится за мое здоровье, меня перевели с оперативной работы на «бумажки». Чтобы я не рисковала своей драгоценной шкурой – он ведь мечтал, что я одумаюсь и вернусь к нему... Поэтому, когда Маккинби предложил работать с ним, я даже не спросила про деньги. Я хотела нормального дела. Теперь у меня этого дела сколько влезет, и никто не запрещает перерабатывать в свое удовольствие.

Ну, положим, про деньги я как раз спросила. Правда, действительно не сразу. На четвертый день, между первой и второй задачей.

– А бывший?..

– Бывший слился сам. Знаешь, будь ты хоть трижды звездный принц, но за наезд на инквизитора первого класса тебе прилетит так, что не поймаешь.

Йен Йоханссон ответил восхищенной улыбкой. Полицейская академия Кабаны, подумала я, выпускник этого года, безоглядно влюблен в профессию, все копы – априори соль земли и братья друг другу. С его точки зрения, мною мог увлечься любой звездный принц, потому что я не только красивая женщина, но и коп. И поделом какому-то маменькину сынку, ничемному белоручке, что я бросила его. А я молодец, не променяла миссию на сладкую жизнь в райском поместье.

Поместье, допустим, было отнюдь не райским, и мой бывший был кем угодно, только не белоручкой-неженкой, но зачем остальным это знать?

– Кстати, он ведь тоже принц? – Йен Йоханссон кивнул на Августа.

– Ну что ты. Дальний родственник тех Маккинби, которые действительно владетельные лорды.

Эта ложь давно стала привычной. Но в ней была и толика правды. Техника безопасности требовала, чтобы инквизитор не открывал в публичный доступ подробности частной жизни – слишком много желающих отомстить. Август тоже был залегендирован. Конечно, не от высшего общества, где его знают в лицо. Но рядовой обыватель с Таниры или Большого Йорка, да и в целом из нашего штата, черта с два выяснит, что моему боссу принадлежит и каков его личный доход. Другое дело, что, с точки зрения нормального звездного принца, такое пренебрежение своим величием – поступок не просто экстравагантный, а оскорбительный для равных ему. Август ставил профессию выше своего происхождения.

А правда была в том, что он не скрытничал, – он действительно вел жизнь преуспевающего инквизитора. Хотя и допускал невинные излишества вроде коллекционирования странных вещей или покупки недвижимости вместо аренды. Или, вот, не хочется ему ждать, пока курьерская служба управится – сел за штурвал самолета и рванул на грузовой склад ради игрушечных машинок, которые ему прислали за черт-те сколько парсеков. По сравнению с тем, что позволяли себе другие принцы, эти излишества были и правда невинными.

Очень скромный человек, одним словом...

На задней стенке контейнера остались четкие следы: преступник или преступники затащили сюда мешок с трупом волоком, втиснувшись в щель со стороны летного поля.

– Маловато. – Йоханссон замерил следы. – Рост от четырех футов одиннадцати дюймов до пяти и одного.

– Я бы сказала, пять футов полдюйма.

– Карлик? Ребенок?

– Пять футов уже нормально для взрослого, если он женщина, например. – Я обернулась, прикинула ширину проходов между контейнерами. – Или эльф.

– Эльф?! Но ведь убитый – тоже эльф.

– И что? Люди убивают людей, почему эльфам нельзя?

– Но они же мирные.

Мирные, мысленно согласилась я, и очень верные. До последней капли крови преданы хозяевам. Как хорошая собака. А собак чему только не учат. Необязательно хорошему. Среди людей попадаются такие странные твари – кого угодно научат плохому.

– Ну ладно бы орки или индейцы, – не унимался Йоханссон. – Но эльфы?!

– Эти не-люди не так уж далеки от людей, как кажется. Если у них могут быть дети от людей, значит, и наши пороки они вполне способны усвоить.

Йоханссон помрачнел:

– Вы сказали «нелюди». Они вам не по душе?

Экий ты деликатный. Спросил бы прямо: ксенофобия заела?

– Орков не люблю, – ответила я. – А кто их любит? Они сами себя не любят. А этих малышей мне всегда было до слез жалко. Никто так не старается вписаться в нашу систему и жить по нашим правилам, как эльфы. Не-люди... – я произнесла это слово очень четко, чтобы была понятна разница между «не-люди» и «нелюди», – это привычка с Большого Йорка, просто жаргон. Эльфов убивали в два раза чаще, чем людей. Они не-люди, но те, кто их убивал – просто дерьмо. Моя бы воля, лишала бы убийц не только гражданства, но и исключала бы из категории «разумное существо».

Я не стала рассказывать мальчику, какое чувство бессильной ярости накатывало на меня, когда я видела избитых, искалеченных эльфов. Может быть, дело в их внешности. Они похожи на дорогих кукол, какими все мы восторгались в детстве. Я помню, как в тринадцать лет расплакалась, увидев в мусорном баке такую куклу – грязную, со следами детского вандализма, в когда-то розовом кружевном платице, оборванном ниже бедер. Как хорошо издеваться над куклой, она ведь не ответит. А мне тогда казалось, что они живые, просто говорить не умеют. Я шла с мамой, и она не позволила мне залезть в бак и вынуть оттуда искореженную игрушку. Я быстро забыла тот случай – но пережила его вновь, когда в участок на Большом Йорке привезли эльфийскую девочку, с которой «забавлялась» компания в девять голов одуревших самцов... Почему-то привезли в участок, а не сразу в больницу, и Старушка Лили единственный раз на моей памяти орала на патрульных: идиоты, жертва нуждается в медицинской помощи, зачем вы ее сюда... На девочке было разорванное розовое платье, кукольное такое платье, и она не плакала.

Эльфы не умеют плакать. Они умирают очень тихо. Та девочка умерла.

Обиднее всего мне показалось, что закон запрещает бить морды задержанным.

Какое счастье, что в нашем дуэте мозги – не мои. Я могу позволить себе чувства, потому что думать все равно будет Август.

– Нет, – почти испугался Йен Йоханссон, – на Танире – первое такое убийство за пять лет. У нас и эльфов-то мало, а гражданин вообще один – вот этот самый. Так получилось, что я встречал его при жизни. Если про кого и хочется сказать «приличный человек», это про него. Месяц назад он приходил в отдел продлить лицензию на оружие, и я немного поговорил с ним.

– Он носил пистолет? Зачем?

– Не-ет. У него было два охотничьих ружья. Каждый год летал в отпуск на Кангу, к бывшему хозяину, а тот на охоте помешан.

В следующие несколько минут я узнала довольно много об убитом эльфе. Оперативная информация поступала Йоханссону и Крюгеру параллельно, но если Крюгер скорее удавился бы, чем подбросил мне хоть одну зацепку, то молодой криминалист проводил замеры и ровным тоном пересказывал, что к нему сейчас пришло на чип. Негромко бурчал себе под нос, а я слушала.

Эльфу было сорок два года, родился на Кангу в поместье лорда Рассела, с двадцати пяти – гражданин, женат на китаянке, трое детей. Федеральный служащий, работал стюардом на пассажирском лайнере второго класса, линия «Танира – Эверест – Кангу». Нареканий по службе не имел. Жил в Китайском квартале, в отдельном доме, водил машину. Китайцы редко страдают ксенофобией, и это одна из причин, почему эльфы предпочитают жить среди них. Другая – разумеется, анатомическая. Средний рост эльфа пять футов, и пусть у него есть все, что полагается самцу, это все-таки очень миниатюрный мужчина. Про эльфиек и говорить нечего. Среди рослых наций они чувствуют себя неуютно.

Убитый слыл мирным существом, благожелательным, учтивым, что для эльфа норма. Считался образцовым семьянином, что, опять же, для эльфов в порядке вещей. Имел хобби – увлекался каллиграфией. Вот это для эльфов большая редкость, они равнодушны ко всем видам живописи и литературы, предпочитая им гимнастику и йогу. Блестяще владел федеральным английским и китайским языками. Никто и никогда не слышал от него эльфийского

кваканья. Звали его Джон Смит, он уверял, что эльфийского имени не было, сразу назвали человеческим.

Действительно, «приличный человек» и прямо-таки столп общества. Попасть на госслужбу трудно, нести ее год за годом вовсе не подарок. Да, тебе будут платить «хардами» – твердой федеральной валютой, тебе положены льготы, тебя ждет отличная пенсия. Но вот для примера один маленький штришок: жить и работать придется строго по единому федеральному времени. Частные компании могут привязывать свой график к световому дню, а ты забудь об этом на ближайшие полсотни лет, а то и семьдесят. И гордись: без таких, как ты, у нас все развалится. Вон как полицейские гордятся: а что им еще остается. Транспортник Джон Смит тоже гордился, наверное...

Со своей стороны, ради поддержания беседы я поделилась с Йоханссоном несколькими сплетнями о высшем полицейском руководстве – все годичной давности – и указала на две пропущенные им детали, которые могли сыграть роль в расследовании. А могли и не сыграть. В любом случае, поскольку эльф не наш клиент, мне без надобности их утаивать.

Август, конечно, заметил, что я выуживаю информацию, но виду не подал. Он никогда не подает виду. По-моему, не может, хотя кто его разберет? Зато он старательно отвлекал Крюгера. Говоря по чести, особо напрягаться ему не пришлось: Август просто навис над собеседником, держа руки в карманах и раскачиваясь с пятки на мысок. Жуткая привычка. Особенно при его данных: рост полных два метра, вес больше центнера. Крюгер от него глаз отвести не мог, как загипнотизированный. Но Август немного передал, и добыча опомнилась: до старшего эксперта наконец дошло, что, пока с ним беседует инквизитор, ассистент инквизитора болтается вне поля зрения. И наверняка замышляет что-то непопозволенное. Или уже вытворяет. Крюгер повертел круглой головой – всегда удивлялась, как он ухитряется это делать, при полном-то отсутствии шеи, – заметил меня, пришел в ярость. Но сдержался. Подозвал криминалиста, глядя на меня так тяжело и пристально, что я подошла тоже.

– Ну и к каким выводам вы пришли, уважаемая госпожа ван ден Берг?

А потом он хочет, чтобы я к нему хорошо относилась. Крюгер всячески показывает, что ему на меня наплевать – вздумай я бросить профессию и никогда больше не попадаться ему на глаза, он будет только рад. Но я-то вижу правду. Как конкурента, он меня не выносит. Но почему-то, вызывая в управление для очередной ссоры, никогда не забывает положить конфетку к стандартной чашке кофе.

Я терпеть не могу полный вариант своей фамилии. Строго говоря, это фамилия моего бывшего мужа. Максимилиан ван ден Берг, князь Сонно, упасть не встать. Я вышла за него в восемнадцать, совершенно потеряв голову, но через несколько месяцев отрезвела и подала на развод. Нет, господа, этот брак вовсе не был для меня рядовым приключением. И сколько слез я пролила, тоскуя по Максусу, знает только моя казарменная подушка. Но жить с ним невозможно. А фамилия... Я всем говорю, что пришлось бы менять слишком много документов, а мне других хлопот хватает. Но иногда ловлю себя на мысли, что оставила фамилию на память. Тем более что при разводе я отказалась от каких-либо имущественных претензий, чем оскорбила Макса до глубины души, – я не взяла даже те украшения, которые он мне подарил.

– Зачем вам мои выводы, старший эксперт Крюгер, вы ведь уже решили, что это «серийник», – сказала я подчеркнуто обиженно.

Август отвернулся. Он не любил, когда я начинала «играть женщину». А я вовсе и не играю, я и есть женщина, если кто забыл.

– А вы, конечно, думаете иначе. – Крюгер ощерился, что должно было служить предупреждением, по его мнению. Мол, не берите на себя много, сударыня, здесь моя территория, и я тут главный.

Крюгер, напротив, очень любил, когда я «играла женщину». Как многие излишне маскулинные копы, он делил мир на две половины – мужскую и женскую. Он никогда не выска-

звался за то, что женщина должна знать свое место, – он просто не понимал, как строить общение с «парнем в юбке». Женщина может заниматься чем угодно, но при этом должна быть женственной, вот как он считал. Все бы ничего, но Крюгер путал манеры с манерностью, скромность с жеманностью, а женственность с капризностью.

– Почему же? – Я пожалала плечами. – Вполне допускаю, что вы правы. И могу даже сообщить кое-что о вашем серийном убийце. Это женщина, ростом около пяти с половиной футов, громадной физической силы, и у нее есть любовник-эльф.

Август удостоил меня короткого взгляда искоса.

Крюгер вытаращил глаза:

– Это... это еще почему?!

Ну, издеваться так издеваться, лишь бы не переиграть.

– Потому что тело сюда принесли вдвоем. Человек и эльф. Человек оставил клочок одежды на скобе контейнера. Это очень дешевая ткань, люди, которые носят такую одежду, не могут позволить себе содержать слугу-эльфа. Значит, человека и эльфа связывают другие отношения, но столь же крепкие, раз эльф взялся помогать в убийстве своего единокровца. Придумайте еще какую-нибудь причину, кроме верности господину или плотской связи, которая могла бы толкнуть эльфа на осознанное преступление.

Крюгер опешил и задумался. Потом спохватился и выжидательно уставился на Йоханссона. Тот кивнул:

– Да, господин старший эксперт, я как раз хотел доложить, что обнаружил два явно эльфийских волоса.

– И они, конечно, не убитого.

– Нет. Убитый коротко стригся, как требовал устав транспортной службы, а эти волосы – обычной для эльфа длины. Убитый был в форме, он собирался заступать на вахту, и вряд ли он по дороге к космопорту встречался с единокровцем, который положил ему голову на грудь.

Крюгер тихо засопел и недобро зыркнул на меня. Ну кто бы сомневался, конечно, это мое дурное влияние: пару минут поболтала с парнем – и тот уже пытается блеснуть остроумием при докладе. Не удивлюсь, если сегодня Крюгер сочинит инструкцию: всему личному составу, обнаружив на месте преступления Деллу Берг, гнать ее взащей оттуда, даже если она жертва и ее вообще убили. Потому что она портит сотрудников.

– Тем более, – закончил Йоханссон, – Джон Смит не поддерживал никаких контактов с другими эльфами, кроме ближайших родственников. Они у него на Кангу, здесь сейчас никого.

Я взяла это на заметку. Крюгер глубокомысленно покивал и взорвался:

– Но черт бы меня побрал, получается, эти двое действительно любовники! И убивает баба... извините, женщина. Других-то причин в самом деле нет!

– Есть, – негромко сказала я, – но не для версии с серийным убийцей.

Крюгер поглядел на меня уже с откровенной яростью. Кажется, до него начало доходить, что версия с «бабой» какая-то странная. Я продолжила:

– Те, кто доставил сюда тело, не связаны между собой, просто оба служат одному господину. Это банда, и она маскирует убийства под действия маньяка.

– Умничаете, да? – осведомился Крюгер.

– Беда, – согласилась я. – Правда, в утешение могу сказать: я вовсе не такая умная, какой прикидываюсь. Будь я в самом деле умной, я бы так построила беседу, чтобы у вас осталось полное впечатление – вы сами додумались до этой версии.

– Эт точно! – заметил Крюгер, тут же спохватился, сообразив, как я провела его, выругался сквозь зубы и рявкнул: – Завтра! В отдел! Оба! Планету не покидать!

М-да. Привычный спектакль, но сыграно от всей души, и мне даже нравится. Крюгер знает, что Август и не подумает явиться в отдел; зачем ему ходить куда-то, он пошлет меня с отчетом. И если Августу надо будет улететь с планеты – улетит, не задумываясь. И меня забе-

рет. И ничего ему Крюгер не сделает. Но вот это гавканье, этот приказной тон – отнюдь не показуха для подчиненных. При всех своих минусах, Крюгер ни разу не дипломат и органически не способен перед кем-то заискивать. Он сейчас на работе, он в своем праве, у него тут свидетель, который должен лично дать показания по всей форме. И Крюгеру неинтересно, это инквизитор первого класса или Верховный Инквизитор Всего На Свете, бедный родственник Маккинби или богатый родственник Маккинби. Завтра! В отдел! Оба! С вещами! На расстрел! Вот так, по-простому и невзирая на лица. Каждый раз Крюгер совершенно уверен, что мы выполним его распоряжения в точности, и каждый раз, когда мы делаем по-своему, искренне возмущается и грозит нас наказать. К счастью, Август на такие мелочи внимания не обращает вовсе, а меня они даже смешат.

– Завтра выходной, – робко напомнил криминалист.

– Послезавтра! В понедельник!

Крюгер развернулся на месте и унесся в сторону летного поля, оставив свою бригаду добирать данные. Йоханссон виновато поглядел на меня и сказал:

– Извините. Старший эксперт Крюгер – замечательный человек, но не очень хладнокровный.

– Ничего. Я давно с ним знакома.

Я не стала уточнять, что познакомились мы со старшим экспертом криминальной полиции Крюгером при любопытных обстоятельствах. Я гналась на машине за подозреваемым в убийстве. Он подрезал меня в воздухе, я не справилась с управлением, перевернулась и рухнула в парк. Некий симпатичный незнакомец помог мне выбраться из машины, тут же примчалась полиция и забрала меня – за нарушение общественного порядка и аварию. Тогда я впервые увидела Крюгера. Он посадил «воздушную хулиганку» в камеру предварительного дознания. Симпатичный незнакомец дал показания, точно описав аппарат, что подрезал меня. Крюгеру этого было мало. К тому же я действительно шла над городской застройкой, да еще с таким превышением скорости, за которое пожизненно лишают прав. Вызволять меня явился Август. Я отделалась крупным штрафом и головной болью от босса. Симпатичный незнакомец успел пару раз назначить мне свидание – я ходила, а чего? – пока не выяснилось, что он лжет во всем. Крюгер отказывался верить, что наш убийца именно этот парень, и когда правда вылезла наружу, страшно обиделся. Он решил, я нарочно выставила его на посмешище, отомстила за ту ночь в камере. Могла бы, мол, и потише взять преступника. А как потише, если мне пришлось стрелять в него в центре города, иначе бы он завалил заложника?!

Август медленно подошел к убитому, присел подле его головы. Долго смотрел. Потом осторожно протянул руку в перчатке и закрыл эльфу глаза.

– Случайная жертва, – негромко произнес он. – Просто случайная жертва.

– Вы полагаете, что первые четверо – нет? Не случайные? – спросил Йен Йоханссон.

Август промолчал. Выпрямился, отошел, еще раз глянул на эльфа.

– Бедняга, – только и сказал он. С высоты своего роста придирчиво оглядел криминалиста, сделал какие-то выводы, и, похоже, лестные для Йена Йоханссона, потому что добавил: – Он слишком хотел быть человеком. Поэтому он бы не промолчал, узнав о преступлении. Так, по его мнению, обязан поступить любой законопослушный гражданин. Человек испугался бы, а эльфы практически лишены личной трусости. За то и погиб.

– Застукал соплеменника? – прищурившись, спросил криминалист.

– Нет. Человека. Всего хорошего, – попрощался Август, подобрал свою коробку и направился к летному полю.

Я брела за ним и боролась со злостью. Уже в кабине «Залии», под приглушенный гул двигателей, я не выдержала и спросила:

– Почему ты не сказал им, кто убийца, если уже знаешь?!

Август позволил себе толику удивления:

– Я не знаю. Если бы знал – сказал бы обязательно. Эльф не заслужил такой смерти. Но я дал ту информацию, которая может стать ключом. Этот парень, криминалист, выглядит неглупым. Он сообразит, где взять недостающие данные.

Я отвернулась.

– Почему ты думаешь, что эльф – случайная жертва?

– Потому что у него единственного точно не было ни одной причины для преступления. Зато были все причины жить честно.

– Инородец, с гражданством, на федеральной службе, – напомнила я. – Он должен очень сильно дорожить своим положением. Одна промашка – он потеряет все. Мелкая ошибка могла стать поводом для шантажа, а где взять деньги откупиться от вымогателя? А ошибок он мог наделать много. Там одна их природная kleptomания чего стоит.

– Шантажировать эльфа – глупая затея. У них совершенно другой менталитет. Эльф не поймет, почему человек, который застал его на месте преступления, хочет денег, а не отводит за руку в полицию. Эльф или пропустит шантаж мимо ушей, или сам придет в полицию и спросит, что ему теперь делать.

– Ну извини, я эльфов знаю только как жертв и мелких воришек, – с вызовом сказала я.

– У меня в детстве был слуга-эльф, – ответил Август. – Тот, кто убил эльфа Джона Смита, мыслил, как человек, и знал, как и что подумают люди, найдя тело инородца. Он сам человек. Именно поэтому он поручил выбросить тело своим слугам. Я сейчас только сообразил, там должны быть еще следы орка. Ничего, Йоханссон найдет их.

– И почему же?

– Потому что убийца хотел, чтобы они наследили. Версия с маньяком долго не продержится. Поэтому убийца попытается создать впечатление, будто некая банда инородцев мстит землянам. Они убили четверых людей, предположим, за ксенофобию, и одного эльфа, который получил гражданство и тем предал своих единокровцев, переметнувшись к людям.

– Здорово. А в чем подлинная причина?

Вместо ответа Август чуть заметно повел плечом: не знаю, мол.

– Женщина из курьерской федеральной службы, – я начала рассуждать. – Мужчина, у которого маленькая компания по перевозке грузов... И даже эльф мог что-то знать именно в связи со своей работой на лайнере. Транспорт? Значит, контрабанда. Но, Август, что они могли возить, если так жестоко избавляются от неудобных?! Работоторговля, оружие? Это все очень громоздко и не пользуется спросом в нашем штате. Наркотики здесь тоже мало кому интересны, не та публика.

– Хороший вопрос. Возможно, убитый эльф знал ответ.

– Ну хорошо...

Август перебил меня жестом:

– Довольно на сегодня.

Он включил автопилот, раскрыл виртуальный наладонник и углубился в чтение. Август постоянно носит линзы, но в нерабочей обстановке, когда можно расслабиться, читает вот так по-детски, с руки. Как ребенок, которому еще не разрешают носить полную взрослую «сбрую», чтобы зрение не испортил. Мальчишка. Подросток медвежьих габаритов. Я молча дулась на него. Через десять минут босс сообщил:

– В семь меня ждут на коктейль-пати. С дамой. Ты идешь со мной.

– Куда?

– К Тэгги.

– Что это с ними? Ты ж вроде там не самый желанный гость. И почему пригласили в последний момент?

– Потому что там хотят видеть не меня.

– Меня, что ли?

– Догадливая.

– Офигеть, я польщена. Что за зверь в лесу сдох, если Тэгги сочли меня более интересной персоной, чем ты?

– Навскидку? Берг прилетел.

– И я о том не знаю?! Да он первым делом сообщил бы мне. За неделю. За месяц. И напоминал бы каждый день в течение месяца.

– Хочет устроить сюрприз. Ты придешь – ах, какая неожиданная встреча.

Я пофыркала. Ну да, вполне в духе моего бывшего мужа.

– Позавчера я видел в городе машину леди Мелроуз, – объяснил Август. – Она всюду путешествует со своей машиной. Таниру она всегда ругала, говорила, здесь нет настоящего стиля, все чересчур сладкое и гладкое, даже дожди, и те недостаточно мокрые. Поэтому вариант, что она приехала на курорт, отпадает. Но в «Золотой Лагуне» проходит конференция филологов-викторианцев. У леди Мелроуз дочь, Эмбер, которая не пропускает ни одной конференции по своей специальности. Она увлеченный ученый. Значит, леди Мелроуз прилетела с дочерью, потому что никуда не отпускает ее одну. А раз здесь Эмбер, то и Берг явился – они последние два года часто выходят на люди вместе.

– Это я в курсе, мне его сестра уже доложила. Да с такими комментариями...

– Дальше просто: Макс в прекрасных отношениях с Дэном Тэгги. Дэн с удовольствием выполнил его просьбу и пригласил меня в расчете на то, что я приду с тобой.

Безупречная логика. Девяносто девять из ста за то, что Август прав.

– Мне точно надо там быть?

– Точно. Потому что я пойду – хочу пообщаться с Эмбер Мелроуз. Она написала несколько статей на интересную для меня тему, но раскрыла ее очень скупно.

Я только вздохнула. Издержки производства. Когда у босса не было постоянной подружки – а такой не было никогда, потому что нормальная женщина не хочет занимать третье место в сердце избранника после работы и коллекционных моделей машин, – или если мероприятие было по строгому протоколу, Августа сопровождала я. Правда, до сих пор это были официальные выходы, куда либо с женой, либо с секретаршей. Ну и случилась еще пара совершенно отвязных вечеринок. Словом, не возникало чисто женского вопроса «что надеть?» при сборах, поскольку моей задачей было сопровождать и не отвечать. Нормальная работа. Коктейль-пати для меня новый этап, а я хороший оперативник, но совершенно никакая светская львица.

– Форма одежды?..

Август воззрился на меня:

– Откуда я знаю, в чем женщине прилично ходить на коктейль-пати? Я мужчина все-таки.

– А я, между прочим, из семьи потомственных солдат, и слов таких даже не знала никогда – коктейль-пати! И на этот самый коктейль-пати иду вообще впервые в жизни!

– Но ты же была замужем за Бергом. Разве он тебе не объяснил?

– Ты думаешь, он понимал в женских тряпках больше твоего?!

– Да, действительно, я не сообразил, он ведь тоже мужчина. Но почему бы тебе не вспомнить, в чем ты ходила с ним на всякие приемы?

– О, – я засмеялась, – тогда достань мне к семи часам бриллиантовый гарнитур с сонскими алмазами, парадную форму тактической разведки вместе с разрешением носить ее – и я твоя!

Август долго и недоверчиво разглядывал меня.

– Это шутка, да? – с надеждой спросил он.

– К черту шутки, Август. Знаешь, после Макса я считаю, что отсутствие у тебя чувства юмора – серьезное достоинство. Он-то пошутить любит. Я училась на первом курсе, жила в кампусе, мы всего две недели как обвенчались с Максом. Он приезжает, договаривается с дека-

ном, что мне дадут увольнительную до утра понедельника и разрешение надеть парадку, забирает меня. В вертолете протягивает коробку – подарок. Обалденный бриллиантовый гарнитур, серьги и кольцо. Я надеваю. Куда летим, не знаю. И он привозит меня на семейный бал по случаю дня рождения бабушки. И тут я понимаю, что Макс не только мне «забыл» сказать, что везет на бал, – он семье «забыл» сказать, что женился. – Я помолчала. – Макс показалось, что шутка вышла замечательная. Его бабушка тоже повеселился на славу. А мне пришлось танцевать вальс мало того, что впервые в жизни, мало того, что в военной форме и сапогах по колено, – еще и с партнером во фраке.

– Но ты же справилась?

– Нет. Я опозорилась с ног до головы, полночи проплакала в гардеробной комнате размером с нашу тренажерку, утром бросила Максу обручальное кольцо, и помирил нас только бабушка. Поддал с утра – и помирил. Мы сделали вид, что ходить на бал в военной форме будет нашей семейной традицией. Я ни разу не выходила с Максом на люди в платье. У меня и платьев-то не было, я начала их носить, уже когда у тебя работала.

– Мне все равно, что ты наденешь. – Августу надоел бессмысленный треп о чужих семейных связях. – Можешь ничего не надевать. Произведешь фурор.

Я бы посмеялась, притворившись, что это неплохая шутка, если б не знала, что чувство юмора у моего босса действительно отморожено напрочь.

И говорил он абсолютно серьезно.

* * *

Я смотрела на всех этих баб, другого слова нет, льнувших к красавчику Августу. Он вежливо улыбался им, и в их тщательно татуированных глазках уже отражался свет будущего благополучия, затмевая блеск ожидаемых брильянтов.

Вот же дуры, думала я.

Все они одинаковые. Все думают, что мальчика просто не трахали как следует, поэтому он до сих пор холостой. Заманить такого в спальню, перевернуть все вверх дном, не дать поспать ни минуты – а с утра, осоловевшего от секса, представить родителям. Ну куда он на фиг денется. Сам побежит. Ну как же, наконец-то поймет, что вовсе он не никудышный любовник – это ему раньше с женщинами не везло. А тут попалась понимающая тетка, надо держаться за такую, вот и постарается закрепить успех. Все бабы так думают. И никто из этих дурех не подозревает, как будет на самом деле.

А на самом деле Август с удовольствием примет за чистую монету ваши сексуальные изыски. Он же считает, что вы, как и он, прокувыркались всю ночь исключительно ради собственного удовольствия, без далеко идущих планов. Выносливости у него – на трех таких, как вы, достанет. Двое суток без сна и с нагрузкой отнюдь не повод чувствовать себя уставшим. Любовник он, сколько я понимаю, превосходный, – ну еще бы, с такой-то толпой желающих обучить разным кунштюкам, – и даже намек на комплекс неполноценности у него нет. Так что вас ждет сюрприз. И не один, ха-ха, потому что, с точки зрения Августа, внезапный секс – не повод отказываться от дружбы, а наоборот, повод ее закрепить и усугубить. Поэтому наутро Август вместо щедрого подарка раскроет перед вами душу. Он забудет, конечно, сказать вам «доброе утро, дорогая» и поднести бриллиантовый гарнитур на память о минувшей ночи. Он будет нетерпеливо крутить пальцы за завтраком, ожидая, когда вы наедитесь. А едва вы допьете кофе, он схватит вас за руку и потащит показывать свои сокровища.

Он приведет вас в Музей и назовет все до единой триста моделей машин, расставленных по полкам в идеальном геометрическом порядке. Сначала вы будете охать и ахать, прикидываясь восхищенной. На второй сотне вам захочется услышать, что вы красивая. На третьей вы будете дуть губки и показывать, что вам скучно. Но это только начало. За Музеем после-

дует Галерея. Вы повиснете у Августа на шее или даже запустите лапу ему в штаны, цинично думая, что между ног у вас уже кровавые мозоли, но еще два часа зубодробительного секса лучше, чем монотонное перечисление марок и моделей автомобилей начиная с пятидесятих годов двадцатого века. Август не заметит. Он еще не всю душу открыл. А душа у него большая. Он поведет вас в парк, вы вздохнете с облегчением... Не тут-то было! Вы не знаете, что в парке есть Беседка и Автодром!

Девяносто процентов женщин ломаются на входе в Беседку. Немногие доживают до Автодрома. Не было ни одной, которая не сбежала бы с Автодрома, отказавшись не только от идеи представить своего принца родителям, но даже и от обеда в его обществе.

То, что Август до сих пор популярен у женщин, я объясняю лишь гадкими сторонами нашей натуры. Женщины просто не говорят новеньким, что случается наутро, если вы произвели на Августа впечатление, и он решил с вами дружить всерьез. А потом, затаив дыхание, ждут – когда та придет и пожалуется. Раз уж красавчик Август оказался редкостным болваном, женщинам хочется, чтоб от него пострадали все. Тогда никому не будет обидно.

Насколько мне известно, я единственная, кто выдержал экскурсию до конца и побывал не только на Автодроме, но и в Гараже. Причем Август тогда жил на Большом Йорке, и коллекция хранилась в куда менее комфортных помещениях, чем сейчас, на Танире. Местами мне было интересно. Честное слово. Я оживлялась, когда встречала знакомые модели из разных эпох, кивала им, как старым друзьям – я ведь в детстве почти не дружила с девчонками, а мальчишки играют в технику. Я даже рассказала Августу, что мы с братьями (у меня их четверо, если что, два старших и два младших) на дедовском ранчо построили космодром. А когда Крис захотел устроить взлетно-посадочную полосу для челноков на месте ангара с корветиком, я с ним подралась. Потому что на корветик я два года копила карманные деньги. Корветик, между прочим, летал – недалеко, но громко. Август дотошно расспросил меня про ту игрушку, потом признался:

– Я тоже люблю корветы. У меня яхта той же линии, какой была ваша модель. Только яхта из старшей серии. Ей пятнадцать лет, но я совершенно не хочу ее менять.

– А где она? – спросила я, потому что содержание личного космического корабля на Большом Йорке было запредельно дорогим удовольствием. Аренда особняка вроде того, где жил Август, в некоторых районах обходилась и то дешевле.

– На Кларионе. Здесь ее держать дорого и бессмысленно – в любую точку штата куда проще добраться на федеральном лайнере. На Кларионе же ей самое место. Я и по системе на ней хожу, и на Землю вылетаю. Там это оправданно. Вы увидите мою яхту. Думаю, вам понравится. Это самый настоящий корвет, я только пушки с него снял – зачем они, лишний вес. Клариион в первом радиусе от Земли, там давно никто не нападает на одиночные корабли.

Гм, подумала я, и это сказал звездный принц. Ну как зачем пушки – чтобы люди видели! Им нельзя, а принцу – можно, и даже положено. Вот за этим.

Правда, у моего бывшего супруга на яхте тоже половины орудий не хватало. Две штуки Макс оставил. Но он поддерживал форму – иногда выходил в систему и стрелял по мелким астероидам. Можно сказать, ему артиллерия была нужна для дела.

– Хотите заглянуть в Гараж? – спросил Август.

– Почему бы нет? Насколько я понимаю, там вы храните современные модели. По крайней мере, я хоть что-то в них понимаю.

А после Гаража я спросила, сколько Август заплатит за дополнительную работу. Ведь первый контракт я уже закрыла, но у меня оставалось трое суток командировки, и Август предложил помочь ему еще в одном дельце. Себя я уже показала в лучшем виде, так что тема гоночара волновала нешуточно.

Август окинул меня чрезвычайно недоверчивым взглядом. Его обеспокоило, что я не спросила, почему он коллекционирует эти машинки. Я фыркнула, закурила и ляпнула первое, что пришло в голову:

– Потому что они красные.

Август распахнул серые глазищи, как будто я ударила его, и сказал, сколько будет платить за постоянную, а не разовую работу. За такие деньги я согласилась бы даже выучить наизусть все характеристики всех этих трех тысяч чертовых красных машинок.

Увы, я не могла работать с Августом. Мне это было не по силам, мертвому человеку работать с живым. Я должна была отказаться. И отказалась.

Но это же Август. Со свойственным ему простодушием, граничащим с жестокостью, он вызвал меня на трудный разговор, вспоминать который лишний раз не хочется – разговор о прошлом и будущем, о жизни и смерти, о жертвах и смыслах. Если коротко, я узнала о себе много нового тогда, включая такие факты биографии, о которых сама не подозревала. И кое-что для себя решила. И подписала контракт ассистента – для начала на год.

Кстати, у меня есть своя красная машинка – как сказал Август, фантастический раритет. Моя детская игрушка, моя подружка Мэри Энн, точная копия машины, на которой ходил мой далекий предок, – ее знали все коллекционеры мира. А я нашла ее на чердаке дедовского большого дома. Дед рассмеялся: он тоже играл с ней в детстве. Она неубиваемая. Он и сказал, что ее зовут Мэри Энн. Я в нее влюбилась и отобрала у братьев. Когда уехала в колледж, взяла с собой. Она всюду путешествует со мной. А теперь она живет на специальном постаменте, который для нее заказал Август, на моем рабочем столе. Август очень хочет купить ее. Я не продаю. И это в его глазах прибавляет мне уважения.

...Коктейль-пати оказался самой обычной вечеринкой, на мой взгляд. Не знаю, я не сильна в великосветском этикете, может, тут и были какие-то тонкие, но значимые для элиты различия в сервировке и напитках. Но по-моему, коктейль-пати эту сходку обозвали лишь потому, что Дэн Тэгги решил представить на суд общества экзотический напиток по древнему рецепту, найденному недавно в семейных архивах.

Приглашенных было человек семьсот. Это еще одна примета Таниры – здесь даже субботние ужины «только для своих» собирали по сто гостей. Хозяин дома встретил нас у входа, радостно приветствовал. И по секрету шепнул, что женщинам свой коктейль не предлагает – а то последствия непредсказуемы. Коктейль очень вкусный, но коварный, с ним и мужчина не всякий справится. Видимо, пару веков назад все Тэгги были чрезвычайно крепки на голову и сильны желудком. Семье есть чем гордиться. Но надо будет еще поработать над рецептом.

Я пришла в самом обычном черном платье до середины бедра и выглядела на порядок элегантней большинства дам. Притом что на мне не было ни одной побрякушки. Во-первых, я ассистент – читай, помесь доверенного секретаря с оперативником, мне по протоколу не полагается, а во-вторых, у меня попросту не было дорогих украшений. Я носила бижутерию. Но на такие сборища лучше прийти голой, чем в бижутерии.

Я не надела даже браслет к чипу. По этикету, на закрытые вечеринки не полагается брать никакие элементы «сбруи», включая линзы, но это правило все игнорируют. Вдруг случится нечто забавное – не пересказывать же потом, как лорд имярек, образец манер и икона стиля, неподражаемо великосветски блевал в фонтан. Не беспокойтесь, запись никогда не попадет в открытые Сети. Это будет эксклюзив строго для своих. И лорд имярек будет над ним смеяться – неподражаемо великосветски. Невинные тайны высшего общества, обмениваясь которыми в узком кругу, оно только крепче спланивается... А если на вечеринке вы заметили незнакомца в полной «сбруе», будьте уверены, это влиятельный репортер-профессионал, сам по себе звезда и интересная личность. Возможно, ему кое-что покажут сегодня для общедоступной светской хроники. Вряд ли что-то серьезнее падения в бассейн, и, скорее всего, роли уже расписаны.

Мы медленно прошли по залу, было скучно.

– Делла, мне нужно кое с кем поговорить, – сказал Август тихо. – Если не знаешь, чем заняться – тридцать градусов влево и увидишь.

Он исчез. А я, разумеется, посмотрела налево.

Ах-ах, сюрприз не удался. Я заметила Макса раньше. Да и Август предупредил.

Кажется, мой бывший еще похорошел за те два года, что мы не виделись. Куда уж дальше... И ведь что интересно: он же не молоденький, уже тридцать восемь исполнилось. Но молодые рядом с ним не смотрелись вообще. Если только Август... Правда, Август никогда не выглядел юнцом.

Макс был красив, как демон. Его черные вьющиеся волосы ниже плеч были отброшены назад небрежной гривой, глаза в искусственном освещении казались совсем синими, хотя от природы были ярко-голубыми. Утонченный профиль, шикарный рисунок чувственного рта, высокие скулы – и неуловимая сумасшедшинка то ли в лихом росчерке бровей, то ли в чарующей улыбке.

Макс был таким же рослым, как и Август, но значительно более стройным, за счет этого казался гибче. Он двигался с подчеркнутой ленивой грацией, от какой юные курсантки Военного Университета закатывали глазки и слабели, бери их тепленькими. Харизма Макса сверкала как бриллиант – в блеске глаз и улыбке, в гордой посадке головы, в медленном и опасном движении плечом, когда он поворачивался к мужчине.

Конечно, он пришел не один. Я знала его спутницу только понаслышке да по фото. Эмбер Мелроуз, полная противоположность мне. Высокая блондинка с прекрасными манерами, воплощенная женственность. Макс встречался с ней уже два года. И два года каждый месяц мне звонила его сестра Татьяна и закатывала истерику по федеральному каналу связи. Татьяна люто ненавидела «эту Эмбер». У Татьяны начиналась мигрень от одной мысли, что Эмбер станет княгиней Сонно. Татьяна считала ее лицемерной, насквозь деланой лживой сучкой, которая ищет мужа с деньгами и титулом, а Макс, осел, ведется на ее ужимки. С особым удовольствием Татьяна смаковала внешность девушки, уверяя – вылитая мартышка, вылитая. Самая настоящая кучерявая мартышка, нос размером с булавоочную головку, глаза круглые, хоть циркулем проверяй, и мозгов столько же. Татьяна даже не обращала внимания, что ее характеристика весьма противоречива: либо лживая сучка, либо глупая мартышка.

На мой взгляд, Татьяна была излишне пристрастной. Личико Эмбер оказалось далеко от идеалов классической красоты, но все-таки она была прехорошенькой курносой куклой. Ничего лживого или лицемерного лично я в ней не находила: обычная наивная барышня из хорошей семьи. Ее ума хватило, чтобы закончить Гуманитарный университет по специальности «английская литература викторианской эпохи», а что до жизненной мудрости, то откуда ей взяться в двадцать четыре года? Положим, я ненамного старше, но у меня и опыта побольше. Армия иллюзий не оставляет. А Эмбер росла как оранжерейный цветочек, над ней мамочка по сей день трясется, мамочке заняться больше нечем, и ведь не бунтует девушка, принимает заботу как должное.

Единственное, чего я не понимала, так это что в ней нашел Макс. Но чужая душа потемки. Может, Эмбер была умней меня в одном-единственном отношении – она смотрела на Макса снизу вверх и находила такое положение естественным.

Макс наконец заметил меня. Хищно прищурился и решительно направился на перехват. Вместе со спутницей.

– Делла, – сказал Макс светским тоном, – это Эмбер Мелроуз. Эмбер, это Делла Берг...

– О, очень приятно! – Девушка протянула мне руку и расцвела в совершенно искренней улыбке. Она готова была любить всех, кому симпатизировал Макс, и неважно, женщина это или мужчина.

– ...моя жена, – добавил Макс.

Эмбер потеряла дар речи. Она растерялась, не зная, что делать дальше и что из возможного будет прилично. Я пожалела ее. А на самом деле – себя.

– Бывшая, Макс. – Я ослепительно улыбнулась. – Вот поэтому я и подала на развод – потому что твои шутки стали злыми. Эмбер, не беспокойтесь, я не выйду за него замуж второй раз. Ну если только мне предварительно сделают лоботомию. Мы совершенно несовместимы.

Сценку учуял Август, бесшумно подкрался сзади и вырос за моим плечом, огромный, как блуждающий донжон. Августа, однако, интересовали не перипетии моего брака, а Эмбер.

– Эмбер, это Август-Александр Пол Николас...

Тут я, к ужасу своему, сообразила, что не помню, какое имя у него пятое: Валентиниан или Константин?

– И еще двенадцать имен, – невозмутимо продолжил Август. – Маккинби.

– Эмбер Мелроуз, – я представила даму боссу, подождала, пока они обменяются рукопожатием. Эмбер ответила уверенно, значит, привыкла, что мужчины часто проявляют к ней деловой, а не личный интерес. – Август, а с Максимилианом вы...

– Мы знакомы, – ледяным тоном перебил Макс, сверля глазами Августа.

Ох, как его задело, что я поставила Августа выше его! Я, конечно, понимаю, что это мелкая шпилька, но как по мне – Макс заслужил шлепок по самолюбию.

– Позвольте угостить вашу даму шампанским? – как ни в чем не бывало, спросил Август и тут же, не дожидаясь ответа, увел обомлевшую Эмбер. Мы с Максом остались вдвоем посреди зала, как два полосатых столба в чистом поле.

– Что вы не поделили?

– Тебе совершенно незачем это знать, – процедил Макс с ненавистью, глядя в широкую спину Августа.

Очень интересно. Я ведь помнила другое. Еще будучи студентом, Маккинби очень серьезно выручил Берга, о чем тот узнал уже постфактум. А затем Макс в трудную минуту помог Августу, тоже на расстоянии и не афишируя свой поступок. Какая кошка между ними пробежала? Наверняка поссорились из-за полной ерунды. На что способны эти два красавца, я примерно догадывалась.

– А-а, – ухмыльнулась я понимающе, – поединок. И ты огреб по морде.

– С чего ты взяла?

– С того, что если бы ты победил, то лучился бы великодушием по отношению к бывшему противнику.

Макс резко перевел взгляд на меня:

– Отлично выглядишь. Но чего-то не хватает.

– Не надо только говорить, что того самого бриллиантового гарнитура.

– Совершенно верно. Тебе идет носить платье.

– А ты и не знал, – я хохотнула. – Кстати, Август считает, что без платья я выглядела бы еще лучше.

Макс помолчал:

– И у кого тут шутки злые...

– Ты про Августа? Окстись, милый. У Августа нет чувства юмора, и он никогда не шутит.

– Ах вот оно в чем дело. И часто он видит тебя без платья?

– Каждое утро, в тренажерном зале.

– Ха, – фыркнул Макс.

– Совсем без ничего тоже видел. Как и я его.

– О как. И что скажешь?

– Сложен он, конечно, роскошно. Древние греки обрыдались бы от зависти. Пропорции изумительные.

У Макса заиграли желваки под высокими скулами.

– Дело было в полицейской душевой, – интригуяюще уточнила я. – Нам пришлось мыться в одной кабинке.

Макс изобразил улыбку. Улыбка была похожа на оскал.

– Какая романтика, черт подери.

– Милый, если тебя окунуть в канализационный коллектор – тебе будет ну абсолютно наплевать на всю романтику. Ты будешь мечтать только об одном: смыть с себя эту дрянь. И условия помывки тебя заинтересуют в последнюю очередь. Да хоть посреди казармы. А если вода горячая – хоть посреди улицы.

– Это где такое было?

– На Люктоне, год назад. Что меня убило – в полиции мне с гордостью сказали, мол, у нас тут цивилизация, все как на Большом Йорке, и нормы воды те же – пятнадцать литров в сутки на голову.

– Кошмар, – согласился Макс. – На корабле двадцать пять. А если пятнадцать, да отмыть химию – это только вдвоем. Иначе никак. Тридцать литров – еще куда ни шло.

На полсекунды повисла неприятная пауза. Чтобы заполнить ее, я вежливо спросила:

– Надолго в наши края? Или уедешь вместе с Эмбер?

Макс задумался:

– Насчет Эмбер точно не скажу. Она обмолвилась, что у ее матери немного барахлят почки, врачи советовали попить воды из какого-то местного источника. Так что мамаша Мелроуз ругалась-ругалась, но поехала сюда, в это невыносимо скучное место. А я просто хочу отдохнуть. Хотя бы месяц. Последний год был сплошным кошмаром. Я под конец уже ловил себя на мысли – скорей бы дед помер.

– Ты ж любишь его.

Макс покачал головой:

– Дел, я любил его. Пока он год назад не допился до инсульта. Потом начался дурдом. Они из-за какой-то ерунды поругались с матерью, дед ушел к себе, заперся, выжрал бутылку водки – в дополнение к той, которую уговорил за ужином, и неизвестно, сколько было днем, а сколько еще было каждый день в течение пары лет до этого... Его хватил удар, он упал и пролежал так шестнадцать часов. Когда он не вышел к завтраку, никто и не почесался. Но когда его не было на обеде, мать послала слугу разбудить деда. Еще через час решили сломать дверь. Нашли его. Вызвали меня. С Земли, ага. Причину не назвали, я и не торопился. Прилетел через три дня. Он даже в себя не приходил. Врачи сказали – только импланты. Вместо половины мозга компьютер... Мать в шоке, как же так, благородный человек станет каким-то киборгом. Я сказал – оперируйте. И лучше бы я послушал мать. Иногда она дельные вещи говорит. Деда прооперировали, отпустили домой. Держался живчиком. Врачи запретили алкоголь настрого. А дед прекрасно себя чувствует – нет повода не выпить. Тайком добыл бутылку – и оторвался так, что у него в голове половина цепей просто сгорела. Вторую операцию можно было сделать не раньше чем через год. И весь этот год я был надсмотрщиком в дурдоме. Потому что мать сочла, что забота о ее отце – мой священный долг. А мне деваться некуда. Если бы я не контролировал буквально каждый шаг всей родни и всех слуг – деда упустили бы. Я хотел довести его до второй операции. Но все чаще думал, что благородный человек обязан умирать сразу. Упал – умер. Или надо законом разрешить добивание аристократов, превратившихся в овощи. Это оскорбление человеческого достоинства, а не жизнь. И ты представь себе, каков подлец? Год я с ним мучился. До операции оставалась неделя. А он взял и помер. Тихо и спокойно. Просто не проснулся утром. Я прямо с похорон сюда улетел. Сказал, мне нужен курорт, кто дернет – убью к чертовой матери.

– Сочувствую.

Макс коротко поморщился:

– Не стоит. Уже все кончилось. Шампанского хочешь?

– Ты собираешься угощать шампанским бывшую жену? Макс, это пошло.

– Да мне плевать. Надеюсь, ты научилась танцевать.

– Представь себе, и неплохо.

– Отлично. Раз ты умеешь танцевать, почему бы мне не угостить шампанским бывшую жену?

Мы выпили по бокалу и пошли танцевать. И буквально в первую минуту я испытала горькое разочарование. Увы, при всей своей хищной грации Макс танцевал очень и очень средне. Подобно многим мужчинам, Макс не чувствовал дистанцию и не оставлял партнерше пространства для движения. Я моментально запуталась в ногах и сбилась с такта – и все потому, что там, куда я собиралась поставить ногу, уже был Макс. Я отодвинулась, но Макс немедленно сократил расстояние. Так было и раньше, я помнила. Просто я не понимала этого, поскольку сама двигалась не лучше колоды.

– Если это называется «научилась, и неплохо», то я – шанхайский император.

О, ну конечно, приберечь свое бесценное мнение для себя любимого – это не про Макса. Ему не жалко, у него еще есть, наслаждайся, дорогая.

– Макс, – прошипела я, – твой учитель танцев никогда не говорил, что в танце еще и партнерша есть?

– В смысле?

– В смысле, что это ты танцевать не умеешь!

– Делла, – снисходительно заметил Макс, – не с твоим уровнем судить о моем умении. Ты первая, кто жалуется. У остальных почему-то получалось. Не знаешь, почему?

– Танцуй с другими, какие проблемы? – Я бросила его посреди площадки и быстро пошла прочь.

Меня перехватил непонятно откуда взявшийся Август. Вернул на площадку; Макса там уже не было. Мелодия кончилась, началась другая, быстрая. Никаких трудностей я не испытывала и несколько расслабилась. Вот ведь загадка: Август на пятнадцать килограммов тяжелее Макса, заметно шире и сложен как шкаф. Пока стоит, изящества в нем столько же, сколько в том шкафу. А едва шевельнется – откуда что берется.

– Ты уже наговорился с Эмбер?

– Что ты. Я увидел, что вы с Максом собрались прилюдно поссориться, и поспешил сюда. Я пожаловалась ему.

– Макс никогда не умел танцевать, – согласился Август. – Но кто же ему скажет? Если только ты. Тебе ведь не нужно завоевывать его расположение. Делла, ты совершенно не обязана терпеть его общество. Можешь присоединиться к нам. Или поехать домой.

Разумеется, я не стала присоединяться к нему и Эмбер. Чего это я буду им мешать? Я поболтала с хозяйкой, Брендой Тэгги, рослой блондинкой скандинавского типа, потом еще с кем-то, и еще... А потом рядом материализовался Макс, подав мне бокал шампанского с таким видом, словно отлучался именно за ним. Я отпила глоток, Макс предложил проветриться, мы вышли в сад, там было еще больше народу, чем в доме. Потом он, заметив, что Август все еще вешает лапшу на уши доверчивой Эмбер, предложил рискнуть и попробовать коктейль по семейному рецепту Тэгги. Говорят, очень вкусная штука. В конце концов, мы оба потомственные военные, нас так просто не свалишь с ног. Кажется, после коктейля мы опять танцевали. Мне было уже глубоко фиолетово, насколько хорошо танцует Макс, и танцует ли вообще. И вроде бы я выпила еще один коктейль. Наверняка скажу лишь, что в роскошном номере гостиницы, где остановился Макс, мы пили сонский портвейн, предмет княжеской гордости. И это было совершенно лишнее, потому что у меня, несмотря на происхождение, офицерская печень, а не солдатская.

Потом я обнаружила себя в постели, а Макса на мне, и не нашла в этом положении ничего предосудительного. В следующий проблеск сознания я сказала Максиму, что устала, с меня довольно, и уснула.

* * *

Я полулежала на подушках и пила утренний кофе. Макс в халате сидел за столиком у окна, тоже пил утренний кофе и курил утреннюю сигарету. Однажды мы провели вместе целые две недели, и я изучила все его привычки. Их оказалось не так много. Всего, что не укладывалось в рамки привычек, Макс тщательно избегал. Поиск приключений на свою аристократическую задницу, кстати, был главной его привычкой.

Я рассказывала ему о серии убийств, а Макс старательно доказывал, что может заменить Августа не только в постели – замечание, что я ни разу не занималась любовью со своим боссом, он пропустил мимо ушей. Впрочем, это я сказала вчера, между двумя стаканами портвейна. Сонский портвейн – уважительный повод забыть не только эту незначительную обмолвку.

– Между ними есть связь, – говорил Макс. – И ключик к связи надо искать среди эльфов лорда Рассела. Убитый парень не был случайным свидетелем, он знал слишком много для этого. Я поговорю с Расселом, он пригласит тебя погостить. Под каким-нибудь невинным предлогом, вроде охоты.

– Макс, я не имею права вести расследование, во-первых, любых преступлений, кроме тех, на какие подписан договор, а во-вторых, без санкции моего босса.

– Это не твои проблемы, дорогая.

– Макс, – сказала я устало, – мы разведены. Подумаешь, танцевали. Подумаешь, даже проснулись в одной постели. Не называй меня «дорогой», ясно?!

– Мы не только проснулись рядом. Мы еще кое-чем занимались, прежде чем уснуть.

– Ты просто самоутверждался! Ты захотел утереть нос Августу и показать, что в любой момент можешь уложить меня в постель!

– А что, не так? – удивился Макс. – Не могу, по-твоему?

– Вот еще один глоток твоей княжеской гордости – и не смог бы. Потому что я провела бы ночь в уборной... Послушай, Августу плевать, с кем я сплю, и сплю ли хоть с кем-нибудь. Я наемный работник, не более того. Занимаюсь интересным делом за хорошие деньги.

– И конечно, из чистой жадности непустишь в это дело меня. Чтоб все самое вкусное досталось тебе. А скажешь, что я хотел запереть тебя дома.

Я не выдержала и расхохоталась, но смех перешел в стон, и я схватилась за виски:

– Чертов портвейн!

Макс молча встал, принес из бара бутылку, свернул пробку и щедро плеснул в мою кофейную чашечку. Я не разобрала, что он налил.

– Пей, – приказал Макс.

– Это перебор. Я не в армии и не княгиня Сонно, чтобы похмеляться.

– Я сказал – пей, – повторил Макс непререкаемым тоном, истинным тоном князя Сонно.

Я выпила. А что, надо было продолжать страдать? Макс повторил, выпила еще. Полегчало мгновенно. Макс унес бутылку и вернулся к своему кофе и сигарете. Вот же печень у человека, подумала я с легкой завистью. Выпил вчера раза в три больше меня, а с утра – свеженький, как роза в росе. И пахнет приятно.

– И пусть только Мистер Пизанская Башня посмеет вякнуть, что ты нетрезва, – убежденно сказал Макс. – Я ему скажу. Я ему скажу так, что мало не покажется.

– А почему Пизанская Башня?

– Потому что качается.

- Пизанская Башня кренится, а не качается.
- Слушай, хватит придирааться, а? Не я его так обозвал.
- Мне называли другие его прозвища.

– Август Великолепный, – кивнул Макс. – Баран шотландский. Много было, но остальные не прижились. Он и имен поменял несколько штук, пока учился. Прodelал, можно сказать, личную эволюцию. На историко-архивном он был Зандером, коротко стригся и на пары ходил строго в килте. На криминалистике он стал Сэнди, отпустил гриву и привык носить джинсы. До сих пор завидую этой его вечно спутанной гриве. Кто-то на полном серьезе утверждал, что он не расчесывает свои лохмы, потому что ломаются даже металлические расчески. Ну а, собственно, его преобразование в наголо бритого Августа Маккинби, одетого в самый дорогой из строгих костюмов, мы наблюдали с тобой вместе. Три года назад я случайно встретил его – и опять с трудом узнал. Он такой, как сейчас был. Честно говоря, я летел сюда и пытался представить, какой у него новый имидж. Не угадал – имидж прежний. Я только не понял, что он с волосами-то сделал, если они внезапно стали прямыми? Кучерявый ведь, как овца, был. Не химией же протравливал, в конце концов...

– Бальзам, – я возвела глаза к потолку, – гель и воск для укладки. Сначала были только бальзам и гель, но потом выяснилось, что они малоэффективны, когда ныряешь в канализацию. Поэтому теперь – еще воск. В качестве защиты от влаги. Поскольку я не столько ассистент, сколько в каждой бочке затычка – еще и секретарша, еще и домоправительница, при случае повар и садовник, и вообще все, что понадобится боссу в данный момент, включая партнершу для выхода в люди... – то знаю наверняка. Это же я каждый месяц заказываю ему всю косметику. Видел бы ты, какая у него батарея средств для волос!

– Хорошо хоть, он тебя в качестве дамы сердца не использует.

– Дама для этого оверквалифицирована, – парировала я. – По-моему, совершенно невозможно хотя бы притвориться в интимном интересе к женщине, которая заказывает твою косметику и знает все три с лишним тысячи твоих красных машинок.

Макс испуганно хохотнул:

– Правда?!

– Естественно. Память-то профессиональная. Единственное, что мне оказалось не под силу, – запомнить правильный порядок, в котором перечисляются его шестнадцать имен. А вот что характерно: если мы вдвоем в машине, ведет всегда он. И коктейли смешивать мне не доверяет.

– Я бы тоже не доверил, – сказал Макс. – Как по мне – вот этого ты действительно не умеешь. Все, что тебе доступно, – налить в виски какой-нибудь газированной дряни, и то неграмотно. Если тебе вручить водку или, боже упаси, джин – ты в лучшем случае предложишь пить отдельно алкоголь, отдельно сок. А вернее всего – ты нальешь сок прямо в бокал.

– Ты отстал от жизни. Я уже знаю, что джин соком не запивают.

– Ну надо же. Ты сильно выросла в моих глазах. Танцевать кое-как научилась, джин больше не портишь... Глядишь, еще лет десять поработаешь с Маккинби и наконец узнаешь, что это для случайных подружек мужчина старается быть загадочным. Тогда как перед женщиной, которую хочется оставить в своей жизни, мужчина очень быстро раздевается догола. В прямом и в переносном смысле.

Начинается...

– Макс, это что – прелюдия к обязательной утренней сцене ревности? Или репетиция перед вечерним спектаклем?

– Да нет, над тобой подшучиваю. Ты так очаровательно злишься!

– Ты меня, кстати, удивил. Я понимала, конечно, что вы с Августом давно знакомы. Не ожидала, что знакомство отнюдь не шапочное. Что вы не поделили-то? Не говори только, что меня. Это уже будет полная глупость с твоей стороны.

– Да нет, конечно. Мы и до тебя, как бы так повежливей выразиться, не упускали случая померяться, кто лучше понимает жизнь.

– Давно знакомы?

Макс кивнул:

– С детства. Я увидел его впервые, когда мне было двенадцать – ему, соответственно, два. У нас матери дружат, причем это считается большим-большим секретом. Секрет, как водится, Полишинеля. Но общаться, разумеется, не общались – он ребенком был. А потом я встретил его уже в университете, когда он еще на историко-архивном учился. Он тогда только-только развелся... Ага, – Макс ухмыльнулся, – до сих пор не понимаю, как это он сумел и жениться, и развестись. Не иначе потому, что десять лет назад его коллекция красных машинок была в десять раз меньше.

Я прыснула. Конечно, я знала, что Август был женат. Но на эту тему мы почти не говорили – даже после того, как Август привык, что я временами живо интересуюсь его подноготной вместо биографий преступников.

В чем-то наши с ним истории были похожи. Он, как и я, завел семью в неполных девятнадцать – через месяц после знакомства и не позаботившись уведомить своих родных. Родные отомстили, запретив ему привозить жену в семейное гнездо. Август послал их к черту и сам отказался приезжать. Через несколько месяцев он понял, что сильно ошибся в выборе спутницы жизни, и развелся. За развод ему устроили такую выволочку, словно невесту подогнали родственники, а он, значит, пренебрег их драгоценным мнением. Август отмахнулся. Но когда через год бывшая жена – а он учился с ней в одной группе – выпила ему всю кровь, он бросил историко-архивный и поступил на криминалистику. Перевелся с третьего курса на первый, через две недели после начала занятий. Тут его семья встала на уши, потому что он променял очень престижный диплом, к тому же гуманитарный, на грязную работу. Август расплевался со всеми, кроме своего дяди, который был на два года моложе и сходил за младшего брата, да и сам был «в изгнании» из-за неравного брака. Тогда-то Август и отредактировал свое публичное досье, убрав из него все указания на происхождение и статус. Оправдание, мол, это техника безопасности, появилось сильно позже.

На самом деле он был вовсе не «дальним бедным родственником», а настоящим звездным принцем. Положа руку на сердце – покруче Макса. Но Август относился к своим владениям так, словно был не хозяином, а наемным менеджером. Все обязанности исполнял, а правами не пользовался. Я на вопросы любопытных отвечала всегда: да, дальний родственник, из бедных, выбился в люди сам. Во-первых, это действительно техника безопасности, а во-вторых, у нас же иначе отбою не будет от клиентов, которым для самолюбия позарез надо нанять на работу аристократа. Про женщин я молчу – эти-то решат, что расследование отличный повод для знакомства.

– Причем женат он был так, что я удивляюсь, почему он разведен, а не мертв, – добавил Макс.

– Гм. – После бурной ночи у меня все мысли двигались в одном направлении. – Я тебя верно поняла?

– Нет. Как раз трахалась его жена вяло и целомудренно, она и комара не утомила бы. Не то что ты.

– Спасибо. Теперь буду знать, что способна затрахать даже комара. И откуда ты знаешь, как трахалась жена Августа?

– Мир не без добрых людей, донесли. Она после развода отнюдь не целибат блюла. Что до причин моего удивления... Ты ведь слыхала о династии Монро?

Я отвела глаза. Если разобраться, ничего постыдного в том эпизоде моей биографии нет. Я была наивной и восторженной, а Ричард Монро – умным и искушенным. Он из тех мужчин, какие умеют подобрать ключик к сердцу любой женщины. Беда в том, что я была на два года

моложе его внушки. Разница в возрасте не мешала мне наслаждаться его обществом наедине, но выходить куда-то, где нас могут увидеть, я отказывалась. Через несколько недель очень бурного романа мы поссорились, и Ричард в сердцах велел мне убираться. Я и убралась, потому что, если откровенно, начала уставать от него. Потом мне доложили: он ожидал, что я упаду ему в ноги, стану умолять о прощении, соглашусь на все, лишь бы меня не прогоняли. А я повернулась и ушла. Ричард завел новую юную любовницу, а я... Я поступила в университет, у меня голова шла кругом, к тому же на горизонте нарисовался Макс, словом, было чем заняться.

После венчания я рассказала Максиму о себе все, кроме этого эпизода.

– Слыхала, – ответила я как можно равнодушной.

– Его бывшую жену зовут Кэрол Монро.

– Макс, я в курсе, вообще-то.

– А чего тогда спрашиваешь?

– Потому и спрашиваю. Да, слыхала я, будто она стерва. Ни капельки не верю – меня тоже стервой считают. А если вспомнить контингент Гуманитарки – и не поверю.

– Ты всего лишь плохо воспитана, – утешил Макс. – Не очень мудра и совсем не дальновидна. А Кэрол действительно стерва. Правда, такая она сейчас. Десять лет назад Кэрол была нежной барышней того же типа, что и Эмбер, только у Эмбер ее хрупкость от природной доброты, а у Кэрол – от рафинированного воспитания. Они с Маккинби считались самой красивой парой университета. Через полгода он развелся с ней. Когда его спросили, почему, ответил – потому что она дура. Я с ним согласен, кстати. Дура. Муж не брошка, чтобы таскать его на каждую вечеринку в кампусе. Кэрол после свадьбы как с цепи сорвалась. Она не пропускала ни одного, буквально ни одного события. Если их было два или три за вечер – появлялась на всех. Она показывала мужа всем, надуваясь от гордости – смотрите, какой у меня. А он выглядел как цирковой медведь, которого водят на потеху публике. С молодоженами такое бывает, но быстро проходит. А Кэрол с каждым месяцем только в раж входила. Я слыхал, что этим дело не ограничивалось. Вроде бы они скандалили постоянно.

– Не могу представить, чтобы Август скандалил.

На самом деле очень даже могу. То есть зачем представлять, я это видела. Август в состоянии истерики – это двуногая катастрофа и глобальный катаклизм. В результате мы живем на Танире, персонал одного скромного отеля справедливо считает, что все принцы – сволочи, и нас до судов бояться местные агентства недвижимости.

– При чем тут Маккинби, там Кэрол за двоих старалась. Сейчас-то она, конечно, не позволяет себе. Ей от жизни досталось, что ни говори. Развод, потом она похоронила отца и двух братьев, дочку родила неизвестно от кого. Вот после родов у нее мозги на место и встали. Я видел ее пару лет назад – это уже совершенно другой человек. Такой же, как ее дед, только в юбке.

– Все равно не понимаю.

– Ясно, – обреченно сказал Макс. – Ты слыхала звон, да не знаешь, где он. Делла, Дик Монро – дьявол. Самый настоящий дьявол во плоти. Его сына и двух внуков убили, и люди практически открыто говорят – это дело рук самого Дика Монро. Просто сынок нахамил папе, а папа на расправу скорый. Убийство не раскрыто до сих пор, и раскрыто не будет никогда. И да, мы ждали, что Дик Монро отомстит Маккинби за развод с его внучкой. Не отомстил. Пока. Я, кстати, сильно удивился, узнав, что Маккинби на третьем курсе отравил не он.

Я отбросила одеяло и спустила ноги на пол:

– Мне пора.

– Семь утра, – напомнил Макс. – Куда тебе торопиться, работать не терпится?

Я смерила его уничтожающим взглядом:

– Если я не появлюсь к девяти, твою Эмбер придется отскребать от пола! На то, чем она в обществе Августа могла заниматься всю ночь, тебе наплевать, я уже поняла, у тебя самого было занятие, и отнюдь не с ней, хотя ее считают твоей невестой...

– Она не моя невеста, это раз, и она не даст ему, это два.

– ...а вот то, что он потащит ее смотреть машинки, уже катастрофа!

– О-о, – Макс с потешным ужасом округлил глаза. – Конечно. Машинки. Как я мог забыть. Да, пожалуй, ты права. Мы с Эмбер друзья, очень хорошие друзья, и я вовсе не желаю ей этой пытки. Что ж, езжай. Эмбер, поверь мне, славная девчонка, она заслуживает того, чтобы ее спасали. Вечером увидимся.

– Макс!.. – угрожающе сказала я.

– У меня есть кое-какие идеи по этому убийству. Надо проверить, потом я поделюсь с тобой тем, что узнал.

– Это подкуп.

– Что мне еще остается делать?

Пока я принимала душ и с отвращением влезала во вчерашнее платье, Макс вызвал мне такси. К счастью, в этот ранний час постояльцев в холле не было, и никто не увидел, как женщина в вечернем наряде уходит из отеля. Понятно, что все мы люди, и нормальная женщина без семейных обязательств затем и ходит на вечеринки, чтобы подцепить там мужика. Но задерживаться у него – уже моветон. В том и заключается разница между приличными дамами и распутными: приличная уйдет ночью, а распутная – после рассвета. Хуже этого только привести мужчину к себе.

Я поискала в сумочке сигареты. Курю я очень редко, и, наверное, если бы не профессия, даже никогда и не попробовала бы. Но разведчик должен уметь все, чтобы вписаться в любую компанию и прикинуться кем угодно. Человек совсем без вредных привычек вызывает подозрение. Все самое интересное люди рассказывают в корпоративных курилках. А если вы не пьете, то на празднике фермеров вас спросят – вы что, не уважаете собравшихся? Поэтому курить настоящие табачные сигареты я научилась на первом курсе. Научилась, но не привыкла. Иногда, после двух-трехмесячного перерыва, нарочно выкуриваю несколько сигарет за день, чтобы не забыть, как действует табак, иначе в рабочей ситуации может закружиться голова с отвычки.

Странно, я точно помнила, что брала сигареты. Неужели искурила всю пачку? Быть не может. Я вообще вчера к ней не прикасалась. Да мне с пачки сигарет было бы так худо, что пришлось бы врача вызывать. Пальцы нащупали нечто странное, и я привычно отдернула руку: однажды мне так подложили пропитанный ядом платок, скомканный, чтобы отравы не выдохлась. Раскрыла сумочку пошире, заглянула и выругалась.

Достала бархатный мешочек, вытряхнула на ладонь его содержимое. Конечно. Естественно. Ну а что еще могло прийти ему в голову? Вот паршивец. Значит, Август прав, и внезапное приглашение действительно случилось по просьбе Макса.

На ладони мягко мерцали бриллиантовые серьги и кольцо. Те самые.

А сигареты, конечно, лежали под мешочком.

Я закурила и цинично рассмеялась.

– Как вы думаете, – спросила я водителя, – сколько надо выпить женщине, чтобы на вечеринке, где было три сотни мужчин, снять собственного же бывшего мужа?

Водитель вежливо хохотнул.

– А сколько нужно выпить мужчине, чтобы утром подарить бриллиантовый гарнитур бывшей жене?

* * *

Я вошла на кухню и чуть не споткнулась. В полутьме – жалюзи на окнах были опущены – у стойки сидела Эмбер Мелроуз со стаканом воды. Она уронила голову на руки, ее задорные кудряшки цвета балтийского янтаря взывали к жалости.

– Не подумайте плохо, – попросила она тихим голосом. – Мы ничего такого...

Сговорились они все, что ли? И ей тоже не объяснишь, что у меня на Августа никаких планов и никаких личных прав. Не буду и пытаться. Либо сама додумается, либо... Пусть это будет ее проблема. А вот то, что девушке явно плохо, это моя проблема. Спасать надо девушку.

– Понятно, – сказала я. – Тогда я подумаю об Августе хуже, чем планировала. Он всю ночь показывал вам свои машинки.

– Да, – едва слышно ответила Эмбер. – Я попросила сделать перерыв, сославшись на жажду. Потом он поведет меня в Гараж.

– О, мой Бог! Эмбер, да вы героиня! Большинство женщин сбегало еще в Беседке!

– Я так не могу. Меня воспитали в уважении к чужим чувствам. Август, наверное, так одинок, ему совершенно некому рассказать о своей замечательной коллекции... Делла, вы, случайно, не знаете, в этом доме есть крепкие напитки? Или Август еще и непьющий?

В довершение к прочим своим недостаткам, ага.

– Он почти не пьет. Знаете, почему? Вы обратили внимание, что он похож на башню? Таковую, знаете, средневековую, которая стоит в центре крепости?

– Да, пожалуй.

– Стоит ему выпить буквально три или четыре хороших глотка крепкого, с ним происходит метаморфоза. Башня решает, что война – игра, и самое время поменяться местами с противником. Она срывается с места и начинает штурмовать все, что под руку подвернется. Поэтому виски он пьет крайне редко и строго в проверенной компании. Но это не беда, потому что есть скотч у меня. Я принесу, можете хоть прикончить бутылку, если, конечно, вас мама не посадит под домашний арест за пьянку с утра пораньше.

– Ах, мне уже все равно. – Она чуть повела рукой. – Пожалуйста.

Естественно, в доме был полный набор напитков – Август иногда принимал гостей. Но я не хотела показывать, чем мы с Эмбер занимаемся на кухне, поэтому решила обойтись своими запасами. Виски я держала в шкафчике за баром в гостиной, поскольку в баре стояли дорогие вина – то, что позволял себе в небольших дозах босс. Ставить туда же пузырь дешевого скотча было кощунством. Как раз в тот момент, когда я полезла в шкафчик, в комнату зашел Август. Проследил за мной взглядом и спросил:

– В девять утра?!

– Жизнь такая. – Подумав, я задала ему тот же риторический вопрос, что и таксисту. Пусть считает, что виски я беру себе, потому что у меня культурный шок.

– У бывших мужей и бывших жен есть одно неоченимое преимущество перед прочими кандидатами: это – уже известное зло, – бесстрастно ответил Август.

– Ты этот вывод по своему опыту сделал?

Август окинул меня задумчивым взглядом:

– Нет. По опыту моей бывшей жены. Я знал, чем кончится, не стал тебе мешать. Ты взрослая девочка, и тебе нужна встряска. Ты что-то стала закисать. А Макс хорош уже тем, что не разобьет тебе сердце.

Я хотела было сказать, что, конечно, ведь он сделал это семь лет назад. Но удержалась и лишь мрачно пошутила:

– Нет, Август. Мы оба не могли знать, чем все кончится. Вряд ли ты предполагал, что у меня дело кончится сонским портвейном, а я и подумать не могла, что ты всю ночь будешь

пытать Эмбер машинками. Ты другого занятия выдумать не мог? Своими гениальными мозгами?

– Сонский портвейн – это жестоко, – пробормотал Август. – Лучше пить виски, чем этот сироп с крепостью ямайского рома. Делла, я же не кретин, хотя тебе иногда нравится так думать. Я не собирался приглашать Эмбер к себе. У нас состоялась чрезвычайно познавательная беседа, она действительно специалист в своей теме, причем с оригинальным взглядом. Потом я хотел проводить ее до дому, а сегодня, может быть, пригласить поужинать.

Ого, подумала я, поужинать? Что-то новенькое в наших традициях.

– Да, потому что тема очень интересна, и вечеринка – не лучшее место, чтобы ее обсуждать. По Эмбер отлично видно: это вовсе не легкомысленная девица, которая считает, что мужчина еще глупей, чем она. Она сама попросила взглянуть на коллекцию. Думаю, ей хотелось каким-нибудь невинным способом утереть нос то ли Максу, то ли кумушкам, которые только за вчерашний вечер пять раз предупредили ее о моих привычках. Похоже, она на особом счету в местном обществе: ее пожалели. Над остальными смеются потом. Я показал ей Музей, было весело, она совсем не устала. Под бокал шампанского прошли Галерею. Было уже поздно, я предложил вызвать такси или предоставить ей гостевую комнату, если она хочет увидеть все, – чтобы продолжить прогулку утром. Она сказала «нет-нет», и мы пошли в Беседку. После Автодрома она отпросилась попить, я понял, что она утомлена, но из вежливости не показывает этого. Ей кажется, она обидит меня, если уйдет. Объясни ей, что я нисколько не обидчив. Я вызову такси.

– Не стоит. Август, я думала о тебе хуже. Такси потом. Сейчас я дам ей во что переодеться, чтобы по костюму нельзя было сказать, она со вчерашнего возвращается или едет домой из аэропорта. И провожу.

– Как знаешь. – Он застыл в легком недоумении. – Действительно все так трудно, что ей потребовалось выпить крепкого? Точно не будет лучше сразу поехать домой и лечь спать?

– Слушай, – не выдержала я, – у меня сегодня законный выходной, а она вообще тебе не подчиненная. Мы две совершеннолетние девушки, и если нам хочется принять по стаканчику в девять утра, то мы, учитывая алкогольное законодательство штата, имеем полное право это сделать. А ты можешь только попросить нас покинуть твою территорию. Но поскольку я по контракту тут живу, лучше бы тебе промолчать. В данный момент Эмбер – моя гостья.

Август пропустил мои слова мимо ушей, вывернул голову, посмотрел на бутылку:

– И вы собрались пить эту гадость?! Хуже только сонский портвейн!

– Другой гадости у меня нет!

Август открыл бар, коснулся секретной пружины, и витрина провернулась вокруг оси, спрятав вино и обнаружив батарею бутылок с крепким.

– Возьми отсюда.

Поскольку Эмбер просила что-нибудь, а я не знала ее вкусы, то сгребла в охапку сингл молт, джин и водку – пусть сама выбирает. Август поглядел на меня неодобрительно и со словами: «Что за женская манера, кто так носит выпивку – надо по две бутылки в руки, для симметрии!» сунул мне еще и вермут. Я вспомнила, что он в университете год подрабатывал официантом в «Завтраке на траве» – вероятно, на спор. С самим собой. Другой причины, по крайней мере, я выдумать не могла.

Эмбер обрадовалась, увидев меня. И тут же предложила смешать мартини.

– Делла, я понимаю, утро – но вы только попробуйте. Глоточек! Я умею смешивать мартини, правда-правда.

– Почему же глоточек? – удивилась я. – У меня сегодня выходной. И завтра тоже. А вчера был сонский портвейн, так что день уже испорчен и терять нечего.

– Что ж, – Эмбер сползла с высокого табурета и воздела руки над столом, как дирижер, – приступим.

Она осмотрела содержимое холодильника и камеры для фруктов. Я с интересом следила, потому что у каждого коктейль-мастера свой подход, и даже точное соблюдение рецептуры не даст такого же результата – важны еще и руки. Руки Эмбер были легкими, касались всего словно крылья бабочки, а предметы летали как бы сами по себе. Несколько минут – и она поставила передо мной бокал с соломинкой. Второй взяла себе.

– Божественно, – сказала я, попробовав.

Эмбер тихо улыбнулась:

– Сказать по правде, я умею только три вещи. Зато умею гениально. Я умею вязать полосатые голландские гольфы, варить настоящий украинский борщ и смешивать мартини.

– Ну и еще, наверное, вы разбираетесь в литературе.

– О! – Эмбер вскинула брови. – Знаете, вы второй человек, который вспомнил о моем дипломе. Первым был Август. Почему-то все думают, что я выбрала престижный колледж ради того, чтобы было какое-нибудь гуманитарное образование. Негоже девочке из хорошей семьи остаться без образования. А знаний с меня никто не требует, была бы общая культура, этого хватит. Все равно я никогда не буду работать – выйду замуж, стану играть представительские функции при муже, заниматься благотворительностью, потом воспитывать детей. Но, верите ли, я действительно люблю викторианскую литературу! И на Танире я оказалась из-за конференции «викторианцев». Я стараюсь не пропускать события такого масштаба. Пишу статьи, даю консультации и готовлюсь начать большое исследование, правда-правда...

В течение следующего часа мы прикончили вермут, джин и водку, пустив их на мартини и «водкатины». Мы обсудили дендизм, старинные автомобили и программу культурной подготовки офицеров в Военном Университете. Мы поговорили о жизни. Эмбер ни разу не была по-настоящему влюблена, Макса воспринимала скорее как блистательного, всем на зависть, старшего брата, и ходила с ним на вечеринки примерно как я с Августом. Август произвел на нее сильное впечатление, причем не внешностью, происхождением и богатством, а каким-то глубинным одиночеством.

Я о себе сказала, что просто не смогла выжить в аристократической семье. Моя семья, хотя и известная в определенных профессиональных кругах, по статусу скорей мелкобуржуазная. Вот в рамках этой морали мне уютно. А понять, как устроены мозги у аристократов, я не смогла. Да, сначала думала: этикет, ритуалы – чепуха, я будущий офицер, выучу как Устав и буду блюсти. Черта с два! У настоящих аристократов есть какое-то нутряное чувство социального баланса и маневрирования. Его не приобретешь тупым подражанием, образованием и даже воспитанием. Нужны гены. Нужны предки, которые из поколения в поколение оттачивали стрелку своего социального компаса, калибровали шкалу и рассчитывали поправку на ветер. Иной нувориш делает все правильно и становится посмешищем. А потому что нет гибкости. Истинный аристократ знает не то, что делать в каждой ситуации нужно, – он знает, в какой ситуации правила можно нарушить, и это войдет в моду.

В какой-то момент нас стало трое: мы не заметили, как присоединился Август. Август сообщил, что никакой он не аутист, он самый обыкновенный социопат и гений – и ушел, оставив нас в недоумении. Мы долго еще гадали, к чему бы это. Аутизм, конечно, выкашивает ряды аристократии с беспощадностью чумы, но мы ведь не говорили об аутизме! И об Августе тоже не говорили. Мы говорили, и я это точно помнила, о феномене художников-акварелистов, оказавшихся у власти. Королева Виктория весьма неплохо рисовала, и Адольф Гитлер, тиран и палач двадцатого века, тоже, причем он даже успел начать карьеру художника, и вроде бы на первых шагах преуспевал. Мы не смогли вспомнить, писал ли акварелью Сталин, еще один тиран, современник Гитлера и его противник. Если да, то это был бы хороший аргумент в пользу нашей теории. Черчилль акварелью не рисовал, он писал маслом – и заметьте, не стал ведь тираном. Но при чем тут Август со своим аутизмом? Выпив по глоточку уже чистого

виски, мы пришли к единственно возможному выводу: ни при чем – мы уснули, и он нам приснился. Обeim сразу.

Я внимательно следила за Эмбер, ни на миг не забывая, что у нее, конечно, нет привычки выпивать больше, чем полбокала шампанского за вечер, а она еще не спала ночь и психически изнурена. Она может в любой момент упасть. Но Эмбер не менялась и никак не показывала опьянения. Она как порозовела после первого мартини – такой и осталась. Обычно у пьяного человека теряется контроль над мимикой, черты лица расплываются и выражение становится будто у младенца – такое же бессмысленное. Но у Эмбер с лицом был полный порядок. И тут я вспомнила свою недолгую свекровь княгиню Сонно-старшую. Леди Валери ван ден Берг, как и я, была по образованию офицером. Причем, на минуточку, она три года отслужила капитаном военно-транспортного корабля. Понятно, что борт доставлял грузы для высшего командования... замнем для ясности. Так вот, после посиделок со свекровью я падала спать, а она, мертвецки пьяная, шла командовать обедом, или ужином, или что там значилось по плану. И никто не догадывался, что у леди двоится в глазах. Ее великосветская улыбка была такой же, как обычно, ее глубокий голос звучал как прежде, шаги были уверенны, а жесты – грациозны. Хотя утром леди могла спросить – а что вчера было? Она никогда не уточняла, все ли прошло безупречно, – в этом она была уверена. Просто интересовалась, какое именно событие имело место, явились ли все приглашенные, требуются ли от нее какие-либо телодвижения, которые она обещала совершить накануне. То, что она была пьяна, ее не смущало. Главное, чтоб никто не заметил.

Вот это, наверное, меня всегда бесило в аристократах. Они хотели казаться, но не быть. Казаться трезвыми – а были ли они трезвы на самом деле, неважно. Чего никто не видит, того не существует. Слуги и родня не в счет. Главное, чтобы не прознали посторонние. Аристократы собаку съели на притворстве. У них в случае чего включался автопилот, в который при рождении установили программы этикета на все случаи жизни. Я так не могу. Я выросла в семье, где все были военнослужащими. По обeim линиям. И мужчины, и женщины. Но мои предки были солдатами и сержантами – кроме родоначальника. И у меня с рождения вбит стереотип, что офицер должен быть примером для подражания. Я знаю, что множество офицеров пьет горькую, но не считаю это нормой. Для пьянства как минимум нужна серьезная причина – неудавшаяся жизнь, несложившаяся карьера, гибель близкого. И неважно, как выглядит человек, – важно, кто он внутри. Потому что в бою, когда смерть рядом, на притворство сил не остается, шелуха слетает, и человек становится самим собой.

А аристократы думали наоборот. Какая разница, кто ты есть внутри, этого все равно никто не увидит и не оценит. Твоя душа – это повод в нее плюнуть, не открывай душу. А вот как ты выглядишь, какое впечатление производишь – это самое важное. От этого зависит твоя жизнь не в бою, а каждый день. От того, что о тебе скажут влиятельные люди. От того, какая репутация у тебя в обществе. Ты – это то, что о тебе думают и говорят.

Ричард Монро хотел казаться молодым и сексуальным. Ему даже в голову не приходило, что можно хотеть быть молодым душой. Поэтому он злился, когда я отказывалась появляться с ним в людных местах, – я же сводила его успех к нулю. Какая разница, что о нем думала я? Главное, что подумают равные, увидев его с молоденькой девушкой.

Кэрл Монро хотела выглядеть состоявшейся женщиной. Она не хотела быть хорошей женой, нет. Ее не волновало, что в качестве супруги она оказалась профнепригодной. Главное, чтобы завидовали подружки, убеждаясь каждый день, что самый красивый и престижный парень университета – ее собственность.

Леди Берг хотела прослыть светской дамой, истинной княгиней. Какое кому дело, что за закрытыми дверями она – алкоголичка со стажем? Главное, что ее вечера – образец хорошего тона.

Родственники Августа за идеал держали образ respectable человека. Они не пытались понять Августа, они придирались к его поведению. Наплевать, что они сухие и бездушные люди, унылые, как дождь в декабре. Зато они умеют себя вести. А Август, отщепенец и негодяй, не хочет. Не уважает старших, значит, не любит. Хороший мальчик должен слушаться папу. Папу, правда, я не видела, но с меня и дедушки хватило. Дедушка от робота отличался только происхождением.

Пожалуй, я знала только двоих аристократов, которые никем не притворялись. Макс и Август. Макс жил так жадно, словно это его последняя минута. Он не оглядывался ни на мнение общества, ни на свою репутацию. Впрочем, может быть, я напрасно думаю, что он не притворялся? Может, это тоже маска – этакого анфан-террибля, а на самом деле он тихий человек, склонный к кабинетным штудиям?

Зато Август не притворялся совершенно точно. А ему незачем, он гений.

– Макс? – переспросила Эмбер, поскольку я всю эту тираду высказала вслух. – Нет, мне кажется, он такой и есть. Ему тесно и скучно, вот он и выписывает кренделя. Он редко получает удовольствие от себя и от жизни. Мне он говорил, что был счастлив несколько лет назад, но недолго.

– Надеюсь, не в связи со мной?

Эмбер улыбнулась с легкой грустью:

– Он никогда не рассказывал о тебе. Ничего. Все, что мне известно, – слова его сестры, которая меня недолюбливает. Мне даже имя называли другое.

Я вздохнула:

– Делла – это полусокращение, полупсевдоним. Папе не стоило пить тот последний стакан, когда он выбирал имя для дочери. Потому что ну какая из меня Офелия?!

– Очень красивое имя, – запротестовала Эмбер. – И настоящая Офелия была вовсе не такой, какой ее изобразил Шекспир. Это не моя тема, но я читала одно исследование, где доказывается... Ее и убили потому, что она была умнее, харизматичней и независимей своих отца и брата. Она отказалась подчиняться узурпатору и могла даже вдохновить заговор. Поэтому ее убили. Возможно, утопили. Потому что она много знала, и нельзя было допускать, чтобы Гамлет и Офелия объединили силы.

– А ты? Ты кем-нибудь притворяешься?

– О, нет. Я очень сильно пьяна, у меня кружится голова, но беседа такая интересная. Она отвлекает меня от опьянения. Наверное, мне надо уехать, пока я не упала со стула, это было бы очень неприятно. С тем, что падение неприлично, я еще могу смириться, но это доставило бы тебе лишние хлопоты, а я не хочу, чтобы встреча завершалась раздражением.

– Я могу положить тебя спать в гостевую комнату. Это лучше, чем вызывать такси, вдруг ты уснешь в машине?

– Спасибо, но я не усну, мне так нехорошо, что я постараюсь не спать. Такси ни к чему, я вызвала маминого шофера, он приехал час назад и ждет у садовой террасы. Мама помыслить не может, чтобы в путешествии обойтись без комфорта. Отпустить меня одну на конференцию она не захотела, полетела со мной, и, конечно, повезла с собой машину и шофера. Многие считают, что это изнеженность и избалованность, а я полагаю, что в этом нет ничего дурного. Ведь мама своими привычками дает заработать стольким бедным людям!

Господи, подумала я, откуда ты такая взялась? Во всем буквально найдешь достоинства.

Неверной рукой я нащупала в аптечке блистер антиалкоголя и баночку детоксиканта. Как жаль, что я не догадалась захватить их с собой вчера, тогда мне и коктейль Тэгги, и сонский портвейн были бы нипочем. Эмбер заинтересовалась, я объяснила: первые таблетки надо принимать, чтобы снять опьянение, а вторые – отравление.

– Ой, я даже не слышала, что такие лекарства существуют!

Естественно, не слышала, это спецсредства, их в аптеке не продадут. Мы их сами не столько покупаем, сколько «достаем», несмотря на федеральную лицензию. Они производятся в строго ограниченном количестве, и если вдруг, допустим, резидентура специальной разведки на диссидентских планетах дружно ударяется в запой ради блага государства, остальным просто не хватает.

Эмбер поглядела на таблетки с сомнением.

Вот оно, настоящее аристократическое воспитание. Все должно быть традиционно. Если ты пьешь, то изволь пройти весь цикл – первая эйфория, пьяная истерика, тяжелый сон, так похожий на потерю сознания, и утренняя пытка – с головной болью, тошнотой, муками совести за вчерашнее и уступкой себе в виде рюмки водки.

К счастью, Эмбер оправдала мои надежды и попробовала таблетки. Через пять минут я поняла, что она действительно была очень пьяна – потому что под действием лекарств ее взор прояснился, а жесты приобрели законченность и точность.

Я проводила ее к машине, а затем пошла к Августу. Шеф был недоволен, и даже привычная его невозмутимость куда-то испарилась.

– Делла, так напиваться в это время дня – неприлично.

– Ты же, как выяснилось, знаком с Максом черт знает сколько лет?

Август запнулся – не ожидал поворота темы.

– Тебе разве не говорили?..

– Главное, ты представляешь, что он такое. Ну и как, у тебя еще остались сомнения относительно моих манер?

– Макс очень хорошо воспитан.

– Он – да. И когда хочет, может блеснуть великосветскими жестами. Беда в том, что ему нравятся плохие девчонки, которые вместе с ним будут лазить по деревьям и играть в войнушку. Поэтому он не воспитывал меня, а наоборот – всячески одобрял мальчишеские выходки. А особенно ему нравилось, когда я нарушала приличия.

– Такие девушки нравятся всем мужчинам. Или почти всем.

– То-то вы ищете нежных барышень, тронь – завянет!

– А такие нравятся нашим мамам, которые сами когда-то были плохими девочками. Поэтому, если мужчине важнее угодить маме, чем себе, он делает вид, что ему нравятся нежные барышни.

– Из-за чего ты дрался с Максом?

– Делла, в моем кругу мужчины не дерутся. Они встречаются для поединка, жестко ограниченного правилами.

– Хорошо. Из-за чего у тебя с Максом был поединок?

Август задумался:

– Не помню. Вызывал он, поэтому я мог пропустить мимо ушей, что послужило поводом. Какая разница, право слово. Вызов брошен – надо принимать. Макс очень сильный противник, техничный, быстрый. Это был интересный поединок.

– Надо полагать, ты победил.

– Да, секунданты сочли, что я. Макс настаивал на реванше. Тут я отказался. Как будто мне заняться больше нечем! И так влетело от бабушки за то, что я его наградную шпагу сломал.

– Ах вы еще и на шпагах. Как романтично.

– Я предпочитаю джентльменский бокс, но были сомнения, что Макс умеет. Я спросил, что он думает насчет шпаг. Он согласился. У него была своя, а я тайком взял у двоюродного деда. Мы оба были в малой нагрудной броне, прикрывающей только сердце, печень и желудок. Макс оставил мне шрам на левой руке, а я угодил ему под правую ключицу, буквально полдюймовом выше края брони, в плечевой ремень. Клинок пробил ремень, прошел между ребер, уперся в лопатку и сломался. Я не ожидал, шпага с виду была совсем как настоящая.

– Прекрасно. Август, ты действительно гений. Уделать мужика на десять лет тебя старше, который к тому же чуть не родился со шпагой, – это надо суметь!

Он пожал плечами:

– Делла, я тоже рос в такой семье, где мальчиков с детства учат всяким ненужным вещам, которые только захламляют мозг. Я редко прибегаю к этим навыкам, потому что не вижу в них практической пользы. Но я все это знаю и помню. А теперь иди спать, ты пьяна.

– Через полчаса я буду в порядке. У меня есть кое-какие идеи.

– Иди спать, – повторил он и вышел из кабинета.

Я тяжело вздохнула. И пошла спать, а что делать-то.

* * *

Как показали дальнейшие события, поспать было отнюдь не дурацкой идеей. Хотя я не могу исключать, что Август просчитал ситуацию своими гениальными мозгами и выбрал оптимальную последовательность наших действий.

Потому что вечером к нам явился Максимилиан ван ден Берг собственной персоной, и в таком качестве, в каком я даже вообразить его не могла: в качестве клиента. Так что мой выходной закончился.

– Я хочу, чтобы вы расследовали убийство мистера Джона Смита, эльфа, – заявил он, вальяжно устроившись в клиентском кресле, положив ногу на ногу и обхватив колено сцепленными в замок пальцами.

– Насколько мне помнится, князь, Джон Смит не был вашим слугой или ребенком ваших слуг. Вы даже не слышали о нем до его гибели.

Общаясь с клиентами, Август всегда говорил «вы», даже если был чертовски хорошо знаком с ними. Он обратился бы на «вы» и к родной матери, окажись она в этом кабинете по делу.

– Объясняю, – согласился Макс. – Мой дальний родственник – высокий чин в транспортном министерстве. Его крайне обеспокоило это убийство, поскольку Джон Смит был федеральным служащим. Мой родственник опасается, что это убийство – неспроста. Он хочет точно знать, почему его убили. Потому ли, что эльф оказался на должности, в глазах некоторых людей престижной, потому ли, что участвовал в каких-либо махинациях, или же он убит потому, что пытался помешать такой махинации. Это не первое убийство федерального служащего той же бандой, или тем же маньяком. Поскольку еще одна жертва была связана с перевозками, возникают разные... мысли. Мой родственник полагает, что полиция пойдет по легкому пути, лишь бы закрыть тему. За этими убийствами может стоять что угодно, от кражи бюджетных средств до попытки государственного переворота. Не надо только спорить, такие случаи известны, когда вроде бы чепуховое происшествие...

– Да, ограбление на Ванили, – согласился Август. – Хотя государственный переворот применительно к тому делу – все же слишком громко сказано. Независимо от амбиций вожака банды, предел ее возможностей – терроризировать небольшой город. И то недолго.

– А мне это вообще неважно, – парировал Макс. – Как вы и сами понимаете, мой родственник не мог обратиться к вам лично – в силу служебного положения и связанных с ним обязательств. Поэтому он попросил об услуге меня.

– Надеюсь, вы отдаете себе отчет в том, что я обязан показать договор с вашей подписью в полиции?

– Ничего страшного, – отмахнулся Макс, – я же не о покупке партии рабов с вами договариваюсь. Как всякий гражданин, имею законное право беспокоиться, когда совершается преступление.

– Безусловно, – подтвердил Август.

Следующие пятнадцать минут они горячо обсуждали детали договора. Через пятнадцать минут они пожали друг другу руки. Я достала бланки договоров, заполнила и подала на подпись – сначала Августу, потом Максу. Макс уставился на документы выпученными глазами:

– Вы что, используете бумагу?!

– Не беспокойтесь, – ответил Август, – это не целлюлозная бумага. Пластик. Но очень хорошей выделки. Я с пиететом отношусь к требованиям экологии.

Макс просто моргал:

– Я не об этом.

– Ах, простите. – Август и ухом не повел. – У меня полная федеральная лицензия. Обязан ряд документов подписывать на бумаге.

– Я думал, сейчас только купчие на землю и завещания на бумаге пишут, – хмыкнул Макс и потянулся за стилем.

Да уж, я понимаю его. Сама была в шоке, когда согласилась стать не только оперативником, но и секретарем Августа, и он перечислил мне новые обязанности. Как же так, документация – и на бумаге?! А дело в лицензии. Август имел право вести расследование по всей территории государства Земля. Территории разбиты на штаты, и в каждом штате федеральный правовой «скелет» обрастает собственным «мясом». На самой Земле и в большинстве штатов первого-второго радиусов цифровая подпись приравнена к рукописной. В остальных же требуют рукописную подпись. Причем где-то ею заверяют буквально все документы, где-то – только нотариальные и банковские. В десятом штате, даром что он в первом радиусе, шесть лет назад запретили цифровую подпись на имущественных документах. Был неприятный случай: впавший в детство патриарх завещал все имущество сиделке, через несколько дней умер, сиделка в одночасье сделалась богатой дамой, а семья старика оказалась на улице. Все потому, что поставить цифровую подпись можно, даже будучи недееспособным: она не требует скоординированной моторики и хотя бы относительной ясности ума. К счастью для пострадавшей семьи, там удалось доказать мошенничество, и справедливость восторжествовала. Но ради упреждения подобных недоразумений, на завещаниях, дарственных и купчих теперь требовали рукописную подпись.

Кстати, на Земле многие нотариусы и поверенные тоже стали подстраховываться, дублируя важные документы «в бумаге». Береженого Бог бережет. А всем обладателям полных федеральных лицензий – в том числе и Августу – буквально вменили в обязанность вести бумажную отчетность. Не целиком, конечно, – только договоры и клиентские поручения. И на том спасибо; если бы нас заставили вести журнал событий на бумаге, я, наверное, взбунтовалась бы.

– Делла, – позвал Август, – ты поедешь к Крюгеру. Сейчас. Сама придумай, как выманить его из дома.

– Да, босс. – Я встала, чтобы пойти к себе.

– Отлично. – Макс откинулся на спинку кресла. – А мы пока прогуляемся по саду.

Я заподозрила подвох. Но я была на службе и не имела права ни спрашивать Августа, ни теребить Макса. Поэтому я пошла одеваться.

Встреча намечалась хоть и в выходной день, но официальная и трудная. Сначала Крюгер будет ругаться и хвататься за голову, потом ныть, как мы с Маккинби ему надоели, потом торговаться из-за каждой мелочи. Недолго думая, я надела свою любимую брючную двойку. Чтобы Крюгер не вообразил, будто я взялась за ум, стала хорошей девочкой, или, того хуже, пытаюсь произвести на него впечатление.

Через полчаса я вернулась в кабинет. Макс как раз собирался уходить.

Оба были малость... взъерошенными. У Макса к тому же лицо окаменело от ярости. Я не успела и рот раскрыть, как Август учтиво распахнул дверь перед гостем:

– Всего доброго, князь.

– Да уж, – бросил Макс и убыл так решительно, будто собирался выйти на парковку сквозь стену.

Я проводила его взглядом, дождалась, пока станет тихо, и вопросительно поглядела на Августа. Август причесывался, укладывая волосы в гладкий шлем. Я промолчала. Нравится человеку уродовать себя – пусть.

Жизнь сложилась так, что у нас с Августом было фактически два знакомства. Впервые мы встретились, когда учились в соседних университетах. Я застала тот самый период, когда Август ходил в джинсах, носил спутанную гриву и звался Сэнди. Потом один подонок попытался отравить его, Сэнди загремел в реанимацию. Проведя несколько дней без сознания, он очнулся и обнаружил, что волосы сваялись в войлок. Попросил медсестру обрить их. После лечения он очень сильно переменялся, меня в упор не видел, а я и не старалась лезть ему на глаза. Только слышала, что волосы он больше не отпускал, ему понравилось сверкать голым черепом. На Большом Йорке я увидела абсолютно, вселенски равнодушного ко всему мужчину без возраста с жиденькими прямыми волосами, причем невыгодного для такой структуры цвета – пшеничного. Их или в черный красить, или стричь как-то иначе, не грех и вовсе сбрить. А он гладко, так, что они плотно облевали голову, зачесывал их назад. Уходя, Август повернулся спиной, и я убедилась, что волосы только кажутся жиденькими – хвост, в который он убирал их, был толстым.

А потом нас обоих пытались утопить в канализации на Люктоне. Да-да, то самое купание в коллекторе. Купание со скованными руками и с рельсом на ногах. Мерзавцы не учли, что я кадровый офицер разведки, пусть и в прошлом – зато недавнем прошлом, – а Август... Ну, если честно, он и меня тогда сильно удивил. Очень сильно. Я, конечно, понимала, что у него хорошая дыхалка – при такой грудной клетке и превосходном здоровье было бы странно иметь плохие легкие, – но не джедайская же!

После того вынужденного купания в ледяной сточной воде мы отогревались и мылись в местном отделе полиции. Геля для волос в полицейском хозяйстве не нашлось, поэтому я имела удовольствие видеть своего босса как есть, что называется. Я откровенно любовалась богатой, вьющейся гривой, которая переливалась всеми оттенками зрелого хлебного поля. Это было еще лучше, чем у Сэнди.

Как жаль, что Август оказался упрямым иногим барана и все уговоры сменить прическу пропускал мимо ушей...

– Что на этот раз?

Август удивленно приподнял брови:

– Макс спросил, правда ли я говорил, что без платья ты выглядишь лучше, чем в нем. Я ответил – да, нечто подобное было, а что, он считает это высказывание ложным? Он предположил, что у меня мало оснований для таких выводов, я возразил, что как раз у него – он-то видит тебя в платье впервые в жизни, ему не с чем сравнивать. После чего мы выяснили, кто из нас имеет право делать такие умозаключения, и он отправился домой. Надеюсь, он все понял и больше не будет настаивать на реванше.

– И чем на этот раз?..

– Бокс. Только руки, только в корпус.

Я покачала головой. Мальчишки.

– Имей в виду: у него нет никаких родственников в транспортном департаменте.

– Спасибо. Я знаю. Ему нужен был предлог для частых встреч с тобой, вот он его и придумал.

– А зачем ты согласился, раз понимал?

– Во-первых, мне нужен предлог заняться этим делом. А во-вторых, я не нашел ни одного аргументированного повода для отказа.

– И что ты об этом думаешь?

– Терпеть не могу, когда из работы пытаются сделать романтическое приключение. Кстати, Делла: я не ограничиваю твою личную жизнь, но будь любезна ночевать дома.

Я изумленно моргнула:

– Ты ревнуешь, что ли?

– Нет, – резко сказал Август. – Мне не нравится, что ты до утра гуляешь, а потом с утра пьешь.

– Ревнуешь, – утвердительно сказала я. – Боишься, что у тебя угонят любимую красную машинку. Это мне Бренда Тэгги новый анекдот пересказала – насчет того, что ты воспринимаешь меня как особо редкий экземпляр красной машинки. И костями ляжешь, но не допустишь, чтобы я перешла в руки другого «коллекционера».

– Не говори глупостей, – только и буркнул Август. Но по тому, как он отвел глаза, я поняла: попала в точку.

– Тогда давай инструкции.

Таких инструкций я не получала еще ни разу.

– Сможешь? – Август заметил, что ошеломил меня.

– Босс, я разведчик, все будет... в порядке. Но, пожалуй, я выбрала неправильный наряд.

– Да, надо построже, – Август кивнул. – Повнушительнее. В брюках ты выглядишь слишком легкомысленно.

Мне захотелось его стукнуть.

– Ты же не разбираешься в женской одежде!

– Я разбираюсь в Крюгере, – сказал он.

– Деловой костюм с юбкой?..

– Нет. Юбка – стандартная одежда для офиса. Женщину в юбке и пиджаке никто не замечает. Как никто не задумывается, что скрыто под одеждой у женщины в полицейской форме.

Ну, щас, подумала я. Это ты мне, оставшему копу, будешь рассказывать?

– В идеале, – заявил Август, – у Крюгера должен быть легкий культурный шок при твоём появлении.

– Счастье какое, – сказала я. – Значит, ты не попросишь меня явиться к нему пьяной, голой и с окровавленным кухонным ножом в руке.

Август задумался, и я поспешила уйти.

* * *

Мне не пришлось уговаривать Крюгера на встречу в кафе. Его вызвали на работу. По пути в управление я просмотрела новости. Шестой труп. Орк, девятнадцать лет, что соответствует примерно тридцати годам у человека. Никаких подробностей. Хорошо, сейчас узнаем на месте.

Перед входом уже болтались репортеры, вида довольно жалкого – любители, мелюзга. Применив несколько нехитрых техник отвода глаз, я проскользнула незамеченной почти до самой двери. Однако в последний момент расслабилась, привлекла внимание, меня узнали и окликнули:

– Госпожа ван ден Берг, ваш босс уже подключился к расследованию?

Я обернулась, смерила репортера ледяным взглядом:

– Я несусь ватрушки для старшего эксперта Крюгера.

Журналиста-любителя очень легко сбить с толку: больше всего на свете он боится показаться смешным, попасть в дурацкое положение, сморозить глупость. Профессионал не станет отвлекаться, прикидывая, как именно я пытаюсь надуть его и выставить идиотом. Он задаст себе главный вопрос: зачем я это делаю? И уж точно он не боится сесть в лужу. Любой профессионал, чья работа – добывать информацию и анализировать ее, регулярно садится в лужу.

Взять хотя бы Крюгера. Или меня. Это не мы такие, это свойство информации. Ее всегда слишком мало.

Опытному журналисту что ватрушки, что пулемет, все одинаково неинтересно, его объект – я. Пулемета у меня не было, зато на сгибе локтя я бережно несла пакет с логотипом дорогой булочной. Репортеры, как по команде, уставились на него. Полсекунды замешательства позволили юркнуть в стеклянный круговорот дверей и вынырнуть уже в холле. Дежурный скалил зубы.

– Хорошая шутка, – кивнул он, – надо взять на вооружение.

– Шутка ложь, да в ней намек. Мне действительно нужен Крюгер. Я вспомнила кое-что важное по предыдущему трупу. Я ведь обнаружила этого бедолагу эльфа.

– Может быть, вам подойдет Йоханссон? Он ведет дело. А Крюгер сейчас занят.

– Йоханссон? – Я удивилась. – Его повисили, что ли?

– Да, вчера. – Дежурный отвлекся на наружную камеру. – Простите, одну минуту...

– Конечно, – сказала я.

И преспокойно направилась к лифтам. Дежурный только горестно вздохнул за моей спиной, но не побежал вдогонку. Он тоже понимал, что вопросы я задавала для проформы – точнее, чтобы узнать, в отделе ли Крюгер, а то вдруг в морг уехал или еще куда.

Крюгер и правда был занят. И занят в обществе того самого Йена Йоханссона. Поэтому я, глянув сквозь стекло, отделявшее кабинет старшего эксперта от общего зала, вошла без стука.

– Я же сказал – в понедельник! – рявкнул Крюгер.

Выглядел он плохо. Ну еще бы. Я молча подошла к столу, села на первый подвернувшийся стул и закинула ногу на ногу.

Крюгер оглядел меня искоса и поморщился. На мне было строгое черное платье, и поверх него жакет с рукавами до локтей. Волосы уложены не по-рабочему, а как на светский прием. Может, культурного шока я и не добилась, но некая подвижка в голове у старшего эксперта произошла. Как минимум он решил, что я явилась его мучить, а не упрашивать. И теперь надеялся хотя бы перенести мучение на завтра.

– Вот что, Делла... – с угрозой начал было он.

– Подожду, пока вы успокоитесь и вспомните, что здесь дама, – высокомерно ответила я.

– Я вспомню, ага. Я еще кое-что могу вспомнить...

– Вот и замечательно. Те подробности моей официальной биографии, на какие вы намекаете, сейчас будут кстати – меньше лишних вопросов.

– Послушайте, Делла, я занят. – Крюгер не собирался сдаваться так быстро.

– Хотите, чтобы я ждала вас снаружи? В толпе странных ребят, уверенных, будто они умеют делать новости?

Крюгер застонал:

– Ладно, выкладывайте, что вам нужно. Йен, потом. Она все равно не отстанет, проще разобраться сразу... Скажи там Коссе, пусть кофе принесет. Два.

Йен удалился, позволив себе одну вежливую улыбку, адресованную мне.

– И кто он теперь? – спросила я, когда дверь за Йеном закрылась.

– Кто и должен быть с самого начала. Следовательно.

– О как. А почему работал младшим криминалистом?

Крюгер скрипнул зубами:

– Делла, вы зачем пришли?!

Я положила Крюгеру на стол копии договора о расследовании и лицензии Августа.

– Опять!!!

Только этого Крюгеру и не хватало для полного счастья – чтобы в дело, от которого у него уже волосы дыбом, влез инквизитор первого класса.

– Крюгер, – я подалась вперед, – давайте без этого пафоса, а? Времени нет. Вы не раскроете это дело без нас.

– Это еще с какого бо... радости?!

– С такой, что рядовой обыватель не может позволить себе слугу-эльфа.

– Всего лишь рабочая версия!

– Слушайте, ну хватит. Там отметился эльф. Держать в доме эльфа, я уж молчу – вырастить его, это привилегия знати. Значит, вам придется иметь дело с родовой аристократией. А вы сами знаете, что распоследний барон задрипанный – очень неудобный человек, когда с ним надо поговорить. В лучшем случае с вами свяжется его адвокат. Да, вам обязаны рассказать все, что может пролить свет на преступление. Только как вы докажете, что беспокоите того или иного владетельного лорда по законному и весомому поводу? Настоящие аристократы – занятые господа, у них хлопот полон рот, и трудовое законодательство не защищает их от переработки. Они планетами управляют. Им только вас не хватало!

– Ага, а вы надеетесь...

– Мне ничего и никому не придется доказывать. Уже потому, что я была замужем за одним из них и работаю на другого.

Я постучала ногтем по договору. Крюгер прочитал первые строки, глаза его полезли на лоб, он уставился на меня:

– Не понял. Вы его попросили, что ли?

– Ну вот еще. Максимилиан ван ден Берг, чтоб вы знали, не ладит с Августом-Александром Полом Николасом-и-еще-двенадцать-имен Маккинби. И по доброй воле ни за чем к нему не обратится.

– Тогда что его заставило?

– А вы подумайте. Что заставило его, что заставило меня, что заставило Августа, который платит Максиму взаимностью...

Крюгер задумался. Его секретарша подала кофе. Крюгер с отсутствующим выражением лица открыл сейф, вынул коробку конфет и поставил передо мной:

– Угощайтесь. Все забываю спросить: что вы заканчивали? У вас же не полицейская академия.

– Военный Университет, факультет тактической разведки.

Он сначала вскинул брови, потом издал изумленный возглас. Я поразила его в самое сердце.

– Два года на боевой службе, потом уже полиция, Большой Йорк. Август вел сложное расследование и искал себе оперативника в помощь. Сослуживцы решили подшутить и предложили ему мою кандидатуру – меня ненавидел весь отдел.

– А вы поладили.

– Это не так сложно, если захотеть.

– Гм. Простите за бестактность, а в армии вы служили...

– К сожалению, это закрытая информация. Не в штабе, если вы это имели в виду. Поэтому не могу назвать даже место службы.

– Да-да, понимаю. Делла... как к вам сейчас лучше обращаться? А титул?

– На людях – Офелия ван ден Берг. Титула у меня нет, я разведена. Наедине – умоляю, не надо!

– И вы, сколько я понимаю, хотите чего-то необычного.

– Полное взаимодействие.

– То есть вы будете не только брать, но и давать? Своими материалами поделитесь?

– Да, конечно, – не моргнув глазом, солгала я.

Ну, как солгала... Кое-что мы, конечно, подкинем.

– И в первую очередь вас интересуют федеральные служащие. Люди.

– Ошибаетесь. С ними проще. Расследование их смерти ведут, помимо вас, еще страховщики, налоговики и федералы. Думаю, нароют буквально все. Меня интересуют материалы, имеющие отношение к Джону Смиту, поскольку договор на расследование его смерти. Остальные, разумеется, тоже, но в ознакомительном порядке. И в первую очередь – инородцы и неграждане.

Крюгер прищурился:

– Похоже, в кои-то веки мы с вашим боссом думаем одинаково. Все-таки заговор инородцев, а? Чистенькие с виду респектабельные слуги, такие все из себя правильные ребята вне подозрений, сколотили банду...

– Мой босс еще никак не думает, у него нет пищи для его гениальных мозгов. Вот если я принесу ему в клювике – он, так и быть, подумает.

– Однако он уже высказал версию, что эльф был случайной жертвой. Хотя я бы счел случайной последнюю.

– Орк?

– Оркушка. Оказала сопротивление.

– Я бы взглянула на тело, позволите?

Меня почти тошнило от сладкой вежливости этого разговора, но Крюгеру игра нравилась. Я гадала, какими словами его взгрел комиссар за шесть убийств подряд, если Крюгер так быстро пошел на контакт. У него же территориальные инстинкты – как у крупного хищника. Дай ему волю, съел бы всех конкурентов на своей земле.

– Да, попозже, вон, выделю вам Йена в сопровождающие...

– Я польщена. Целого следователя?

Крюгер натянуто засмеялся.

– Эксперт, так что за метаморфоза с ним произошла?

Крюгер тяжело вздохнул:

– Романтик он. Чертов романтик. Легких путей не ищет, спокойной жизни не хочет. Вот вам и вся метаморфоза. У него диплом следователя. Когда он пришел, я не смог его взять. Ну нет мест. Правда, сказал – давай через год, у нас Куш на пенсию отправится, место будет. А пока – вон, на Эвересте, точно знаю, нужен специалист. Он туда съездил, через две недели опять пришел. Там, говорит, тоска смертная и учиться нечему, я все это еще студентом перепробовал. Хочу непременно у вас работать. Ну понятно: на Эвересте мало народу и дела шаблонные, бытовые. Молодому парню, жадному до интересной работы, там скучно... Ну я и ляпнул – есть место младшего криминалиста. Пойдешь? С твоим-то дипломом? Он сказал – пойду. Заодно специфику освою, в коллектив впишусь, а через год тогда, если сработаемся, вы меня на свободное место следователя переведете. И, Делла, ведь никакого высокомерия, работал как так и надо! А тут с этими убийствами... Короче говоря, Куша мы уговорили уйти досрочно. Он не очень противился, если честно. Это дело ведь он вел, ну и чувствовал, похоже, что не справляется. Йен пришел на его место. И получил, соответственно, в наследство нашу банду.

– Комиссар узнал то, что вы утаивали? Что у вас есть хороший молодой специалист, а вы его не используете?

– Ну да. У Йена первое дело, он волнуется, вы уж...

– Понимаю, – я улыбнулась. – Не буду давить харизмой.

– И не ругайтесь. Он подготовлен хорошо, но практики мало, а вы дама... В общем, по-человечески – да, я его не то что в сопровождающие вам даю...

– Под опеку, – кивнула я. – Не беспокойтесь. Я еще никого не испортила.

Крюгер почему-то побагровел и быстренько сменил тему:

– Делла, а почему вы оставили армию? Там же интереснее. Мы тут заперты в пределах штата, а у военных размах – во всю Галактику.

– Кто вам сказал, что я оставила армию?

Я улыбнулась так ослепительно, как только могла.

Крюгер был убит наповал.

– Но вы совершенно не обязаны мне верить, – добавила я легкомысленно. – Вы же не получали от своего руководства никаких распоряжений на мой счет, и вам даже не намекали. И я вам тоже ничего не говорила. Не те ставки в игре.

Я впервые видела, чтобы Крюгер реально не знал, что сказать.

Когда пришел Йен Йоханссон, ему открылась идиллическая картина: мы с Крюгером, окончательно ошалевшим, в две головы изучали досье жертв.

– Новая форма сотрудничества, – без выражения сообщил Крюгер. – Законом не запрещено. Все, кроме тех документов, видеть которые у госпожи ван ден Берг нет допуска. Но их мы обязаны показать мистеру Маккинби.

На прощание я добила Крюгера. Я развернула пакет и поставила перед ним красочную коробочку с двумя свежее испеченными ватрушками. Крюгер растерялся так, что попробовал. Ему понравилось.

К машине нам с Йеном пришлось продирааться сквозь заметно подростую толпу репортеров. Двое патрульных расчистили дорогу, и мы выбрались почти что целыми.

– Интересно, что именно через пару минут будет в новостных лентах, – сказал Йен.

– Вряд ли они предполагают, что мы едем в морг. Это ведь так скучно.

– Да уж, – согласился он. – Вы действительно служите в разведке?

Я промолчала.

– Не беспокойтесь, это оперативная машина, она глядит по сторонам, но не внутрь. Здесь нет прослушки в салоне.

Я усмехнулась и выразительно постучала ногтем по своему чипу.

– А-а, – протянул Йен. Отвернулся к окну, с тоской сказал: – Значит, действительно дело худо. Если к расследованию подключились разведслужбы... Или вы только по внешней?.. Как это у вас называется – спецразведка?..

– Я кадровый офицер. А в Военном Университете учат на совесть.

– Понимаю.

Он расстроился, потому что при первой встрече принял меня за копа.

– Но в полиции вы на самом деле служили?

– Йен, – я рассмеялась, – если бы у тебя были знакомые на Большом Йорке, я бы предложила тебе узнать у них. Думаю, тебе о-очень много про меня рассказали бы. Я служила. И более того – не по приказу. Полиция, на мой взгляд, самая человечная из правоохранных структур государства. Ведь мы защищаем всех разумных, граждан и неграждан, людей и инородцев, в их доме. Именно мы, и никто другой, обеспечиваем личное право разумного на спокойную жизнь.

– Да, – с коротким вздохом согласился Йен. – Вы правы. А где вам больше нравится работать?

– Сложный вопрос. Я бы сказала, что в полиции, но к инквизиторам куда чаще обращаются в случае киднеппинга. Знаешь, почему мне нравятся такие дела? Потому что всегда есть возможность под шумок врезать киднепперу по яйцам. Это моя персональная месть им, месть женщины. Ну и... честно говоря, при киднеппинге у инквизитора больше шансов вернуть детей живыми.

– Это да. Самое главное, вы не обязаны информировать прессу. Так называемые журналисты не понимают, что их ведь читают и преступники, и наша уклончивость объясняется тем, что мы не хотим выдавать свои планы.

– Вам пришлось сегодня выступать?

– Да, – Йен поморщился. – Зря они так. Даже без сведений... Преступники очень любят, когда про них пишут. Они упиваются славой, а должны сидеть в тюрьме.

Хороший мальчик. Не зря он Августу понравился.

* * *

Полицейский морг – самое грустное место в любом городе. Сюда привозят людей, ушедших из жизни наиболее унижительным образом – насильственно. И кажется, будто этот светло-серый цвет стен выбран нарочно, чтобы подчеркнуть уныние и безнадежность случившегося.

Мы отметились у дежурной, которая сказала, что патологоанатом Моррис на месте и практически закончил работу над телом оркушки. Мы спустились на четвертый подземный этаж, где располагался главный зал, натянули на себя одноразовые стерильные комплекты, и Йен распахнул передо мной дверь.

С доктором Моррисом я водила шапочное знакомство, однако весьма уважала его за профессиональные качества. Он имел славу психопата, хотя как по мне, был заурядным шизоидом – нелюдимым, эксцентричным, но неспособным обидеть любое живое существо.

– Доктор Моррис, Офелия ван ден Берг, – представил нас друг другу Йен Йохансон.

– Мы знакомы, – бросил доктор, не удостоив меня и взглядом: он обнаружил нечто интересное в кишечнике оркушки и погрузился в изучение. – Кажется, в прошлый раз вас звали Делла Берг. Не успел тогда спросить: не выносите пафос княжеской фамилии, поэтому выбрали вариант покороче?

– Можно и так, – согласилась я.

– А почему не вернули девичью фамилию?

– Мою девичью фамилию лучше не произносить в присутствии людей, знающих русский язык и историю моей семьи. Они начинают истерически хохотать.

– Как интересно. А я почему-то думал, что вы не до конца разочаровались в муже и сохранили его фамилию в память о недолгом браке.

– Я вообще не разочаровывалась в муже. Я разочаровалась в себе.

– А. Это еще лучше, чем я думал. Делла, какая из жертв вас интересует?

– Все шесть, поскольку их убил один человек.

– Убийц двое. Почерк разный, – поправил Моррис и кивнул ассистенту: – Покажи им всех. Они люди молодые, еще не черствые, горят профессиональным энтузиазмом, и им мало будет моего заключения. Делла, мне звонил Крюгер, объяснил ситуацию. Значит, по Джону Смигу я передам вам все материалы, а по остальным – копии моих рабочих файлов с неформальными заключениями. Это считается ознакомительными сведениями, так что с точки зрения закона все безупречно, притом что достаточно информативно... Да пошевеливайтесь вы, черт вас раздери! – рявкнул он на ассистента. – Как дохлая муха, честное слово, у меня покойники и то теплее вас...

– Прошу запись, – произнесла я протокольную фразу.

– Запись разрешаю, – отозвался Моррис. – Дать вам очки?

– Нет, спасибо, я в линзах.

– Ну как хотите, я-то по старинке...

– Прошу запись, – сказал Йоханссон.

– Вы-то чего?.. – спросил Моррис. – Вы тут вроде как на службе.

– У меня сегодня выходной, – смущенно буркнул Йоханссон.

Нам с Йеном вывезли еще пять тел. Разумеется, Йен, как и я, видел рапорты экспертов, но нормальный следователь или оперативник ни за что не откажется взглянуть на тело, место преступления или улику своими глазами. И потрогать своими руками. Ни один отчет, даже такой педантичный, какой может составить Моррис, не даст вам полного представления о том, как и что выглядит. В отчетах не хватает объема, цвета... Запаха, наконец. Тяжести мертвой руки в твоей руке. А это все важно.

Я не спешила. Ассистент Морриса, хмурый и некрасивый человек, не скрывал недовольства, показывая нам тела. Он не понимал, почему бы нам не удовлетвориться рапортами. Его рабочий день закончился пять часов назад, тут эта оркушка, и еще мы небось задержим доктора... А Моррис славился полной беспощадностью в отношениях с персоналом. Его не разжалобишь сказочками про старенькую маму, которая ждет сына домой, каждые полчаса подогревая нехитрый ужин, и не ляжет спать, покуда не дожидется, а у нее больное сердце. Моррис на такое посоветует найти другую работу. Например, сиделкой при маме. А что? Старушка, которая может себе позволить жить на Танире, притом что ее единственный сын работает ассистентом в морге, – это очень небедная старушка...

Разумеется, я поняла, что имел в виду Моррис, говоря о разных убийцах. Первая и третья жертвы были на счету опытного костолома, я бы предположила, что с армейским – и, вероятнее всего, диверсионным – прошлым. Шею им свернули чисто, одним отточенным движением. А вот второму и четвертому не повезло. На восковой коже виднелись следы неудачных захватов, а на запястьях сохранились следы веревок.

Вот и мой эльф. В морге ему снова открыли глаза. Я наклонилась над личиком мертвого малыша, внимательно взгляделась. Потом просунула руку под затылок и нащупала огромную шишку. Понятно.

– Делла, а вы ведь не помирились с мужем вчера? – внезапно спросил Моррис.

– Напоминает вопрос «перестали ли вы пить коньяк по утрам?» – парировала я.

Он посмеялся.

– Да, да, – сказал доктор, – вы, как и многие разумные женщины, нашли компромисс между сексуальностью и опасностью случайных связей. Ваш выход – это бывший муж в качестве нерегулярного любовника. Что ж, весьма прагматично. И свобода при вас, и совершенно безвредно. Главное – требования нравственности почти что соблюдены.

Я перевела линзы в режим увеличения и исследовала сначала левое запястье эльфа, потом – мочки ушей. Так-так. Совсем интересно.

– Никогда об этом не задумывалась, – ответила я без смущения. – Просто Макс – очень привлекательный мужчина. Не могу же я, в самом деле, выбрать кого попало только потому, что он не мой бывший!

– Тоже правильно. Но жить с ним вы не планируете.

Я промолчала. Моррис невероятно умен, но если хочешь что-то узнать у него – смиришься и играй по его правилам. Доктор очень любит изучать чужую личную жизнь.

– Будь я женщиной, возможно, поступил бы подобно вам, – неожиданно изрек Моррис. – Князь – прекрасный человек, но безумный. С такими возможны только три сценария: ваш, разделить его безумие или стать его жертвой. Разделить безумие вы, сколько понимаю, уже пытались – будучи в браке. Жертва – это не ваша роль. Вы не из тех женщин, которые положат жизнь на алтарь ради счастья пусть даже самого любимого человека.

– Всегда была уверена, что мазохизм приятен только в гомеопатических дозах, – сказала я. – Это не любовь, когда жертвуешь собой. Интересно, если сама себя отвергаешь ради кого-то, как этому человеку тебя любить? Что ему любить? То, что ты отвергла ради него? Вот и вывод, что любить ему предлагается самого себя. А Макс рано или поздно найдет такое приключение на свою задницу, из которого уже не выберется. Если я не могу помешать – а я не могу, – то в моей власти хотя бы не видеть этого.

– И часто вам после развода приходилось вытаскивать его из таких приключений?

Я медленно повернула голову и посмотрела на ассистента. Моррис стоял спиной, но я не сомневалась, что он все замечает. Зря, что ли, у него на стене зеркало висит.

– Делла, а как зовут этого молодого человека, с которым вы пришли? – поинтересовался Моррис. – Я часто его вижу здесь, и даже по некоторым признакам догадался, что он полицейский, но до сих пор никто не удосужился назвать мне его имя.

У Йоханссона на щеках проступили красные пятна. Я спрятала усмешку. Узнаю старшего эксперта Крюгера. Это в его стиле: привести с собой к доктору нового сотрудника и забыть их познакомиться. И так раз десять подряд. Не потому, что Крюгер невежливый, просто он всегда занят.

– Йен Йоханссон, следователь, – сказала я. – Это его первое дело.

– Подчиненный Крюгера? – Моррис покивал. – У Крюгера, при всех его недостатках, есть дар – искать талантливую молодежь.

Я не удержалась и подмигнула Йену – комплимент старого Морриса дорогого стоил. Йен очень забавно смутился.

– Но, к сожалению для полиции, таланты у Крюгера надолго не задерживаются. Их смаивают.

Йен издал какой-то возмущенный звук, Моррис перебил его жестом:

– Не спорьте. Полиция – это скучно. Это еще скучнее, чем полицейский морг. Вы поймете это через год. Нормальному человеку совершенно невозможно жить в обстановке, в которой ничего не меняется. Уйдите, потом вернитесь через пять лет – вы увидите новое оборудование, но те же проблемы. И обсуждать их будут с тем же жаром. Ничего не меняется. В полиции могут работать только люди, напрочь лишённые воображения. Вроде Крюгера. Или шизоиды вроде меня. К какой категории вы себя относите – болван или психопат? Ни к какой? Самое позднее через три месяца вы уйдете. В федеральную безопасность. Там такая же скучища, но хотя бы можно путешествовать. Я бы взял на себя смелость посоветовать вам подтянуть знания по экзопсихологии. В вашем джорджийском университете экзопсихологию читает совершеннейший кретин, обуреваемый собственными сверхценными идеями.

Я слегка удивилась. Я-то думала, у Йена полицейская академия. Да, в Кабане – это лучшая из полицейских академий. Надо же, промазала. Зато теперь все понятно. И то, почему Крюгер так удивился, что парень с дипломом следователя согласился работать практически на побегушках, и почему комиссар потребовал заменить им старого, опытного специалиста... Все дело в том, что, хотя «инквизитор» и переводится как «следователь», есть большая разница между следователем из полицейской академии и инквизитором с факультета криминалистики Университета Джорджии. По сравнению с дипломом Государственного Университета, где учился Август, джорджийский не котируется, но для полиции это даже слишком круто. Это и для федеральной безопасности очень хорошо.

Бедный Йоханссон устал чувствовать себя мебелью, пересилил смущение и подал голос:

– Откуда вы знаете, что я заканчивал именно джорджийский?

– Ваша привычка стоять – одна рука за спину, другая для жестикуляции. Только в Джорджии так отучают пользоваться шпаргалками. Кстати, судя по этой позе, вы порядком побаиваетесь меня. Бойтесь, что я поймаю вас на безграмотности или неопытности. Расслабьтесь, Йен, сегодня я экзаменую не вас.

– А кого? – не удержался парень.

– Ее, – Моррис указал на труп оркушки.

Йен отступил, а я, наоборот, подошла поближе.

– Вы уже закончили? – спросил Моррис, указав подбородком на пять тел.

– Да.

– Уберите, – приказал Моррис ассистенту.

Я смотрела на несчастную оркушку. Орков никто не любит, даже они сами. Они лучше других инородцев вживаются в наше общество, однако усваивают замашки самого дна. Охотно вписываются в уличные банды, легко решаются на криминал, в том числе и самый тяжелый. В садизме, однако, не замечены. Убивать предпочитают руками или простыми предметами вроде палки и камня. Любимое оружие орка-хулигана – стальной прут сечением в дюйм и длиной в два фута. Интересно, что орки исполнительны и признанного вожака не предадут. Собственно,

поэтому их охотно берут в армию – они там сразу ощущают себя на своем месте, и с ними нет проблем. Они неприхотливы, выносливы, отважны. Практически все орки-граждане – это солдаты. Командиры из них никудышные.

Оркушки грубы и сентиментальны – такое сочетание часто встречается у жестоких людей. Но оркушки вовсе не жестоки. Своих детенышей учат шлепками и подзатыльниками, потому что иначе не умеют, но попробуй кто чужой тронуть их! Традиционные для нас браки у орков не приняты, тем не менее наша система отношений им понятна: они тоже моногамны. Просто у них мужская и женская части трибы живут отдельно. При этом если у орка есть подруга, он не изменяет ей. Он приходит к ограде женской общины, вызывает ее, уводит подальше от глаз, утром возвращает. Детей воспитывают все женщины трибы, но разницу между своими и чужими ребятишками они проводят. Напрочь лишены ксенофобии. Если им подкинуть человеческого или эльфийского детеныша – выкормят и его. Биологически совместимы с индейцами, но от людей потомства не бывает. На совместимость с эльфами, по моему, исследований и не проводилось ввиду слишком большой габаритной разницы. Половой диморфизм выражен очень сильно – среди орков попадаются и трехметровые особи, тогда как оркушки выше двух метров не вырастают. Впрочем, и это редкость. Их средний рост – около шести футов.

Оркам с трудом даются наши языки. Исключение – федеральный английский, и то потому, что в нем произношение близко к родному наречию орков. Однако в силу их слабого цивилизационного опыта многие понятия остаются пустыми словами. Может быть, поэтому орки тянутся к людскому отребью – у тех все конкретно и практично. И еще орки совершенно не выносят одиночества.

Оркушка Дирга Та не была гражданкой, хотя имела постоянную работу и жила в городе. Она числилась в фирме-посреднике, снабжавшей персонал богатые дома. По факту, ее хозяйкой была какая-то миссис Ахири, вдова из того круга, с которым я мало пересекалась в силу особенностей своей биографии: для моего происхождения этот класс слишком высок, а для семейного и рабочего статуса – слишком низок. Моя незабвенная свекровь уважала таких дамочек куда меньше, чем честных плебеек вроде меня, подозревая их в обезьяньем подражании аристократии. Не могу сказать, что она была так уж неправа. Взять хоть эту миссис Ахири. В высших кругах принято иметь слуг-инородцев, но родовая аристократия предпочитает иметь дело с эльфами и индейцами. Это очень высокооплачиваемые слуги. Орк на службе у аристократа может быть только охранником, и то лорды вряд ли возьмут чистокровного – хватает орков с осьмушкой или даже четвертушкой индейской крови. Орки с индейской примесью значительно умнее и спокойнее чистокровных. Как правило, они заканчивают хотя бы среднюю школу, а то и полную, имеют приличный армейский стаж. Лучшие еще и проходят годичный курс личной охраны. И да, тоже дорого стоят. У миссис Ахири, по всей видимости, таких денег нет, как нет и опыта в содержании инородцев, поэтому она завела себе недорогую и нетребовательную оркушку. Ну и пусть некрасивая, ну и пусть груба как деревянная колода – зато инородка. Все как в лучших домах, ага.

Я осматривала тело молча, делая для себя пометки. Компактная – порядка пяти футов десяти дюймов росту, – крепкая, очень гармоничная с виду, длинноногая особь. Масть шоколадная, глаза фиолетовые, в бровях и на висках процентов тридцать седых волос. На теле волос немного, короткие – явно регулярно сводила. Я сделала пометку: проверить любовников. Похоже на то, что жила с человеком, потому что орки и индейцы совершенно равнодушны к шерсти у женщин. Грудь едва заметна, значит, не рожала – еще один довод в пользу любовника-человека. Ногти аккуратно подпилены и покрашены – иди ты, старалась быть красоткой. Оппозитные пальцы на ногах удалены, значит, носила обувь человеческого образца. Пальцы удалены давно, возможно, в младенчестве, значит, родилась в поместье, а не перемещенная. Ну или была перемещена вместе с матерью очень рано. Я прощупала стопы. Пальцы удалили

хорошо, полностью, до голеностопного сустава. Удалены и три пары рудиментарных сосков, а пуповина завязана. Нет, все-таки родилась в поместье.

На животе виднелся старый рубец, неровный и широкий, без следов хирургических швов. Примерно лет шесть ему. Похоже, оркушка покинула поместье и окунулась в реальную жизнь. На правой ладони мозоли, на левой – многочисленные мелкие царапины, зажившие. Лунки ногтей явно после недавнего маникюра, но на двух пальцах грязные. Не сильно. Просто небрежно промыты. Тыльная сторона правой кисти покрыта едва заметной красной сыпью. Такая же сыпь на лице и шее, за ушами – расчески. Зубы здоровые, полный комплект, без налета. Уши и ноздри без волос, правое ухо совершенно чистое, в левом скопилось немного крови. Признаков старения, кроме седины, нет.

У меня не было результатов анализа ее крови, поэтому я регистрировала пока только видимые повреждения. Оркушку нашли совершенно голую. Она была тщательно вымыта и причесана – нападавшие пытались убрать следы. Однако побои не смоешь и не вычешешь. Ее несколько раз ударили по голове, придушили, изнасиловали и только потом убили. Она сопротивлялась до последнего вдоха.

– Что скажете, Делла? – спросил Моррис.

– Похоже, у нас не один и не два убийцы, а три. Эльфа тоже сначала ударили по голове.

– У нас три типа убийств, но конкретно убийц пока только двое, – поправил Моррис. – Хотите чаю? Берите своего спутника и поднимайтесь в мою квартиру, вы же помните, где она? Я сейчас закончу и подойду.

Я поманила Йена и направилась в раздевалку. Мы оставили там стерильные костюмы, я открыла малоприметную дверь, в которой не было даже замка, и первой шагнула на лестницу.

– Он живет прямо в морге? – удивился Йен.

– Да. Он никогда и ни по какой причине не покидает его. Простительное чудачество, не так ли?

– Да, – спокойно согласился Йен, – не преступление же. В конституции не написано, что человеку нельзя жить в морге.

– Доктор Моррис не смотрит федеральные каналы, не читает новостные ленты и не выходит на улицу. Все новости он узнает от экономки и от людей, которые приходят сюда. Поэтому он так любопытен.

– А ваш шеф, я слыхал, тоже домосед изрядный, – сказал Йен. – Поэтому вам привычно.

– Август говорит, что гениальные мозги нуждаются в тонкой подстройке к атмосфере. Если атмосфера меняется, начинаются помехи. Он не домосед, просто ненавидит переезды. Чем гениальней человек, тем хуже он адаптируется к переменам.

– Но некоторые гении прошлого буквально жили в дороге.

– Это тоже разновидность постоянства. Кроме того, откуда нам знать, вдруг из-за разъездов их гений так и не смог раскрыться полностью? И нам достались крохи от того, что в действительности могли породить их мозги?

– Делла... простите, что спрашиваю. Доктор спросил, не помирились ли вы вчера с мужем. При этом мне показалось, что вы с доктором Моррисом вовсе не закадычные приятели. Откуда он знал?

– Понятия не имею, – с улыбкой ответила я. – Может быть, что-то в моем облике выдает. А может, днем нанес визит кто-то из общих знакомых. Я не представляю, с каким кругом людей может общаться доктор Моррис, но допускаю самые неожиданные приятельства. Я два года проработала с Маккинби и больше не удивляюсь тому, что человек способен глянуть на тебя искоса и поведать всю твою биографию.

Нас встретила экономка Морриса, такая же немолодая и чудаковатая. Кое-кто по невежеству удивлялся: почему Моррис не женится на ней? Люди, хоть немного понимавшие в человеческой природе, глупых вопросов не задавали. У Морриса даже в ванной комнате не было

большого зеркала – только маленькое, перед которым он брился. Сомневаюсь, что он хотя бы раз в жизни видел себя голым. Куда ему жениться, при таком-то характере.

Экономка провела нас в гостиную, усадила в антикварные кресла и подала чай. Ждать пришлось недолго, доктор Моррис поднялся, веселым тоном попросил начинать без него и удалился в душ. Вернулся он, одетый как на прием к губернатору. Поддернул брюки, уселся, принял чай из рук экономки и с удовольствием выпил половину чашки.

– Делла, вы ведь расследуете убийство Джона Смита? Остальные попутно?

– Да, договор у нас только на эльфа. Но поскольку остальные убиты той же бандой...

– Значит, вас в первую очередь интересует эльф. Сказать по правде, будь я инквизитором, тоже зацепился бы за него. Совершенно очевидно, что он попал в поле зрения банды случайно. Убийство было спонтанной акцией, его не планировали, соответственно, должно было остаться множество хвостов. Что ж, эльф Джон Смит. Его труп исследовал не я, а мой коллега доктор Квинси. Воздержусь от комментариев, хотя такого болвана мне стыдно называть коллегой. Доктор Квинси обычно занимается инородцами, он считается большим специалистом в этой области. Очевидно, он сам так уверовал в свои познания, что работает спустя рукава. Например, он не обратил внимания на ушиб мягких тканей на затылке. Непростительная небрежность.

– Да, я тоже удивилась, что в рапорте об этом ни слова.

– Я видел, что вы заметили. Итак, эльф Джон Смит. Мужчина, паспортный возраст сорок два года, биологический – тридцать девять. Рост пять с половиной футов, вес после смерти сорок девять килограммов, абсолютно здоров. Экземпляр, крупный для эльфа, что говорит в первую очередь о его происхождении. Он перемещенный уже в четвертом поколении. Его прадеды и прабабки очень хорошо питались и не страдали от болезней, что привело к появлению рослого потомства. Он легко дожил бы до ста лет, и даже больше, если бы не убийство. Вел размеренный образ жизни, по установленному распорядку, мало подвергался стрессам. Тщательно следил за своей внешностью. Питался только дома, в рейс брал с собой контейнеры с едой или воздерживался – эльфы легко переносят длительный голод. Пил много минеральной воды из источника «Желтый дракон» – его почки в идеальном состоянии. Хотя китайская кухня славится обилием острых приправ, предпочитал мягкую диету с преобладанием разных видов риса. В его желудке я обнаружил остатки плотного домашнего обеда, состоявшего из трех видов риса, утки, маленьких осьминогов, тушеной моркови и чая. Мочевой пузырь был практически пуст, притом что одежда осталась чистой и сухой.

– Он жил в Китайском квартале, – сказал Йен. – Оттуда до космопорта – около пяти часов езды. Если мочевой пузырь пуст, значит, Джон Смит заходил куда-то по дороге, чтобы опорожнить его.

– Вывод очевидный, – согласился доктор Моррис. – Тем не менее доктор Квинси не развил эту мысль. А я осмотрел волосы и кожу убитого, особенно те участки, какие не были закрыты одеждой. И обнаружил частицы моющего средства «Весна» – его иногда используют для обработки санузлов.

– Дорогое средство. – Я внесла пометку в досье.

– Следы были обнаружены на левой скуле, левом виске и левой кисти. На левом колене сбоку – небольшой кровоподтек.

Я прищурилась:

– Следы от падения на кафель? Можно предположить, что именно там эльфа ударили по голове, оглушили, он потерял сознание и упал.

Между прочим, эльф был в форме. Вынести из общественного туалета бесчувственное тело в форме так, чтобы никто не обратил внимания, – невозможно.

– Удар в действительности был смертельным, – продолжал доктор Моррис. – Все, что убийцы делали потом, Джон Смит уже не почувствовал. Рану на щеке ему нанесли при жизни,

чип сняли уже после смерти. Между ударом по голове и смертью прошло не более сорока минут.

– Как вы установили это без чипа? – с профессиональным интересом спросил Йен.

– Немного знаю эльфийскую физиологию, – скромно ответил Моррис. – То, чего не знали ни убийца, ни доктор Квинси. Удар в затылок вызвал ушиб головного мозга, для эльфа фатальный, и гематому. Учитывая, какие именно сосуды лопнули, и зная обычные для здорового эльфа параметры кровотока, легко рассчитать, за какое время в мозг выльется обнаруженный объем крови. У Джона Смита была высокая свертываемость крови, и к моменту смерти кровотечение практически прекратилось. По моим расчетам, от тридцати до сорока минут. Опираясь на те же знания о физиологии, могу сказать с уверенностью, что рана на щеке была нанесена за несколько минут до смерти от ушиба головного мозга.

– А шею сломали тоже при жизни?

– Да, в последний момент. Убийца испачкал руки в крови, текшей из раны на щеке, размазал ее по подбородку эльфа и оттирал гигиенической салфеткой «Перышко».

Йен слушал и едва заметно кивал – делал отметки в досье. И легонько шевелил пальцами. Нас, разведчиков, еще на первом курсе от этого отучали – вообще ото всей мелкой рефлекторной моторики, которая выдает работу с чипом. А потом заново учили имитировать ее, когда надо... Инквизиторам это ни к чему, но Август в полной «сбруе», с линзами на глазах – как каменный, только зрачки движутся. Ну так это Август.

– Еще один довод в пользу спонтанности этого убийства – в крови Джона Смита не обнаружено наркотиков.

О наркотиках я уже знала: Крюгер мне показал. Жертвам кололи «нирвану». Изначально это медицинский препарат, его применяли недолго в качестве наркоза и отказались из-за побочных эффектов: было несколько внезапных смертей через пару суток. Дает расслабление, поднимает болевой порог. Субъективно человек под «нирваной» просто отдыхает: голова пустая, жизнь наконец-то прекрасна. Объективно он превращается в мебель, которую можно кувыркать как угодно. Слышала, что «нирвана» нравится оркам – они с нее окончательно дуреют, зато избавляются от комплекса неполноценности и в кои-то веки себя любят.

Я подняла руку:

– Доктор Моррис, Йен, у меня есть несколько вопросов. В досье Смита указано, что он брал полную медицинскую страховку. Ее не дадут, если чип ниже второй категории. Значит, у него был чип от второй категории и выше. Но такие чипы подают сигнал бедствия, если носитель теряет сознание и явно не может вызвать врача сам. Крюгер сказал мне, что в базе нет никаких зацепок. Этот чип не регистрировался ни на каких рамках и не подавал никаких тревожных сигналов в последние три часа жизни Смита. Именно поэтому Крюгер сделал предварительный вывод, что Смита убили в «чистом поле», и смерть была мгновенной. Его вывод подтверждает и рапорт доктора Квинси. Однако, доктор Моррис, ваше исследование показывает иную картину. Смит куда-то заходил непосредственно перед смертью, то есть хотя бы одну-две рамки миновал. И он умер не сразу, значит, его чип должен был вызвать помощь, но этого не произошло. У меня к вам чисто технический вопрос: какой шунт у Смита, и могли ли быть потери сигнала и проблемы распознавания из-за несоответствия, например, дешевого шунта и дорогого чипа? Допустим, у шунта слабая пропускная способность, или материалы низкого качества...

Доктор Моррис выслушал, энергично кивнул:

– Да, отличный вопрос. Дело в том, что у Джона Смита очень дорогой шунт. Лучший из тех, какие рекомендованы для эльфов. С таким шунтом у него не могло быть проблем ни с одним чипом, включая и те, какие не имеют встроенных функций для инородцев. Шунт в течение жизни не менялся. И, кстати, у оркушки тоже шунт хороший. Но это обычная картина для инородцев, выросших в богатых поместьях. Младенцев-инородцев, родившихся от сво-

бодноживущих родителей, шунтируют по федеральной программе, и выбор устройства зависит от страховки. Как правило, родители-инородцы не страхуют ребенка еще до рождения, как это принято у нас, да и на себе экономят, покупая либо частную, либо самую дешевую федеральную страховку. В таком случае младенцу ставят самый простой и дешевый шунт. В поместях с этим получше, особенно если инородцев много. Закупка оборудования там оптовая, да и социальные службы не теряют бдительности, словом, я не видел еще ни одного поместного инородца с плохим шунтом. Чипы – да, чипы всякие попадаются. А вот шунты всегда качественные. С чем связаны технические проблемы – вопрос уже не ко мне, я не инженер.

Йен глубоко задумался. А для меня план действий был понятен. Раз на рамки надежды никакой, искать надо «ногами». Начну с беседы со вдовой. Она наверняка знает привычные маршруты эльфа. Затем пройду по этому маршруту и осмотрю все доступные туалеты. «Весной» моют пол отнюдь не везде. Случайные свидетели наверняка обратили внимание на эльфа в форме – это редкое зрелище. Если... если, конечно, при таком росте его не приняли за человека. Мало кто обращает внимание на черты лица – сначала видят фигуру, потом прическу. У Джона Смита была стандартная федеральная стрижка.

Доктор Моррис вдруг судорожно вздохнул:

– Джон Смит. Ну надо же. До сих пор не верится. Я знал его. Это была очень интересная личность, разносторонне одаренная. Смит подрабатывал как парикмахер. Он стриг меня десять лет. Один раз в три месяца он приходил сюда и стриг меня точно так, как мне нужно. Вы женщина, вы понимаете, как важно, когда парикмахер стрижет так, как нужно клиенту, а не ему самому хочется. Я ненавижу, когда меня стригут. Не выношу, когда дергают за волосы, а не дергать они не умеют. Я позволял касаться своей головы только Джону Смигу. У него были хорошие руки. Ума не приложу, где я теперь буду искать другого парикмахера. Пожалуй, я отпущу длинные волосы...

Доктор Моррис подался вперед и закрыл лицо ладонями.

Как жаль, что такого славного эльфа убили, подумала я, но «разносторонне одаренная личность» это большой плюс для расследования. Чем ярче и интереснее жертва при жизни, тем шире круг ее знакомств, а значит, тем больше шансов отыскать зацепку, ключ, даже улику. Уже сейчас рядом со мной сидят двое, для которых Смит – не просто труп. В городе таких людей полным-полно, надо только найти их. Эльфа знали многие, и эльф многих знал.

Стоило бы спросить доктора, кто его познакомил со Смитом, но я решила, что обойдусь как-нибудь. И так плохо человеку.

Впрочем, меньше чем через минуту он вернул себе самообладание:

– Теперь касательно нашей оркушки. Все, что полагается, я внес в рапорт, вы можете и прочитать, незачем тратить время.

– Я обратила внимание, что у двоих из шести жертв чипы старые. А у троих – со следами недавней замены. Сняли чип только с эльфа.

– У Дирги Та очень старый дешевый чип. Я не удивлен. Судя по состоянию ее мозолей, хозяйка сэкономила на слугах. Дирга Та была садовницей – в царапинах и мозолях я обнаружил остатки шипов розы, крыжовника, ежевики. И с такими мозолями она еще обстирывала вручную слуг-инородцев!

– Интересно, что заставило ее терпеть унижение.

– Ее постоянным партнером был человек. Я нашел частицы его кожи и отправил на экспертизу. Самое позднее завтра мы узнаем, с кем жила Дирга Та. Предполагаю, она хотела получить гражданство, чтобы замужество было полноправное. Скорей всего, они собирались усыновить ребенка, иначе зачем ей полные права в браке?

– Я правильно поняла, что среди тех, кто насиловал ее, людей не было?

Доктор Моррис застыл. Потом кивнул:

– Понял. Вы хотите знать, как я отличил любовника от насильника. Довольно просто. Собственно, само место обнаружения частиц кожи человека очень много говорит о его отношении к убитой. Поэтому я и предположил так смело, что речь о замужестве и воспитании приемного ребенка заходила, и обсуждались эти вопросы серьезно. Видите ли, у Дирги Та и маникюр, и педикюр – домашние. И выполнял эти процедуры ее любовник. Чистоплотность и регулярное мытье ног еще не гарантируют полного удаления всех частиц чужой кожи. Последний раз Дирга Та доверила свои лапки сожителю за сутки до гибели. Его следы остались и на внутренней стороне стопы, и под голеностопным суставом, и между пальцами. Сомневаюсь, что насильник перебирал в ладонях пальцы ног своей жертвы.

– Да уж, – согласилась я.

– А насильников было четверо. Три орка и человек. Человек – первый. По моим представлениям, Диргу Та схватили, когда она возвращалась с работы домой. Ей накинули удавку на шею, она упала, стала бить ногами. Почти вырвалась, но противников было слишком много. Ее связали, заклеили рот, бросили в багажное отделение полугрузового автомобиля и привезли в какое-то помещение. Наркотик ей не вводили. В ожидании убийцы ее насильовали. Потом убили. В этом же помещении ее раздели, тщательно вымыли, причесали – хотели убрать следы, – завернули в полиэтилен и отвезли на то место, где труп и был обнаружен. Рану на щеке нанесли уже после смерти, но буквально через несколько минут. Все пробы, которые могут представлять интерес, я отправил на экспертизу.

– Сыпь на руке и лице – аллергия на моющие средства, которыми она пользовалась при стирке? Мне показалось, что это укусы насекомых, но орков же не кусают.

– Вы правильно предположили. А орков не кусают, только если они едят то, что привыкли. Они употребляют в пищу некоторые травы и редко моются, от этого их пот приобретает неприятный для насекомых запах. Если орк меняет диету, он становится более уязвим для насекомых, чем человек.

– Она хотела быть как человек, подстраивалась во всем под своего любовника?

– Или тоже экономила. Перед смертью она ела пиццу с сыром и помидорами, самую дешевую, и запивала ее кока-колой. В кишечнике нет ни следа от привычной для орков пищи. Слизистая, которая обычно из-за трав постоянно раздражена, у нее в прекрасном состоянии. Значит, она отказалась от национальной диеты самое малое пять лет назад.

Доктор Моррис передал мне копию рапорта и остаток вечера расспрашивал Йена. Йен, предупрежденный мной, не удивлялся ничему и рассказывал о себе легко и открыто. Кажется, старик остался доволен, хотя по нему трудно угадать.

Уже в машине Йен спросил меня:

– Делла, вы сейчас в отдел?

– Нет, пожалуй, домой. Не буду вам сегодня надоедать. Да и информацию надо привести в систему.

– Я подвезу вас, – предложил он. – Сам еще немного поработаю. Меня сильно озадачила ситуация с чипом эльфа. Похоже на то, что убийца использовал какую-то систему подавления сигнала... Я разберусь.

Пока мы сидели у Морриса, неприметная оперативная машина кому-то понадобилась, и нам вместо нее подогнали старый добрый патрульный броневик в полной боевой раскраске и со всеми аксессуарами – «люстрой», таранными бамперами, шоковой пушкой на крыше и клеткой для задержанных. Для полной аутентичности, чтобы я почувствовала себя как на Большом Йорке – провалиться ему на ровном месте, – не хватало только мелочей. Дробовика между сиденьями, запасных наручников в бардачке, телескопической дубинки в самодельных зажимах над дверью и еще личных значков патруля, которые выпадают отовсюду при резком маневре: пакеты с пончиками, шоколадные батончики, стаканчики из-под кофе... Броневик,

кстати, хороший аппарат, крепкий и надежный. До сих пор не знаю – мне жалко, что он не летает, или подумать страшно, с каким бы грохотом он падал, если бы летал.

В общем, доставили меня домой на полицейской машине. Давненько я на ней не каталась.

* * *

– Ватрушки, – заинтересованно сказал Август. – Чудесная идея! А мне ты принесла?

Я засмеялась и достала из пакета вторую упаковку. Август распечатал ее и сразу откусил четверть от одной ватрушки.

– Неплохо, – похвалил он, – где брала?

– Булочная миссис Кавендиш.

– Очень неплохо.

– Помнишь того молодого криминалиста, который осматривал труп эльфа? Представляешь, он оказался инквизитором по образованию. Джорджия.

Август поглядел на меня удивленно:

– Конечно, я сразу это понял.

– Интересно, как?

– Методы работы, общая манера держаться, некоторые термины, которые он употребил в рапорте Крюгеру и которые Крюгер слышал, но в точном их смысле не уверен. И что с ним?

– Получил место следователя и дело о нашей банде.

– Превосходно. Лучше всего, что я ожидал. Рассказывай.

Пока я отчитывалась, Август успел умять три ватрушки. Под конец он сидел, внимательно глядя в мою сторону и постукивая себя пальцем по губам.

– Отлично, – изрек он. – Вполне достаточно для расширения договора.

Деятельность инквизитора регламентируется множеством законов и инструкций. В частности, если у него договор на независимое расследование чьих-то действий либо обстоятельств, он не имеет права изучать «прилегающие территории». Если выяснится, что преступление – лишь звено цепочки, договор должен быть перезаключен либо расширен. В нашем случае исходно было ясно, что придется расширяться, однако формальных оснований не нашлось. Макс не мог заказать нам поиски банды, поскольку нет твердых доказательств, что мы имеем дело с бандой, и пришлось бы заключать пять – на тот момент пять – договоров на каждую жертву по отдельности. Для таких случаев есть типовые сценарии: подписывается договор на один эпизод, который позволит получить доступ к полицейским материалам. По ним пишется ознакомительное заключение, и оно уже служит обоснованием для расширения договора.

Я изложила свой план действий. Август кивнул одобрительно.

– Оркушку нам подсунули, чтобы отвлечь внимание, – предположила я.

– Не факт, – возразил Август. – Тем не менее на нее мы, в отличие от полиции, отвлекаться не будем.

– А я бы поработала в этом направлении. Ложь скажет о преступнике очень много.

– Совершенно незачем. Крюгер покажет тебе записи допросов и результаты экспертизы. Поскольку дознание будет вести этот парень с джорджийским дипломом, можно не беспокоиться о качестве. Нам и полиции лгать будут одно и то же, зачем делать двойную работу?

– Еще студент-латинос с Эвереста. Он не гражданин, его биография не так прозрачна, как у остальных.

– Да, – согласился Август. – Интересный персонаж.

– И-и-и... – протянула я. – Владелец транспортной фирмы. Если они и правда что-то возили, он самый перспективный.

– Делла, напомню: предположение о контрабанде высказала ты.

– Но ты ведь не возразил?

– У меня нет мнения по этому вопросу. Никакого. Вот что: будешь в полиции, скажи Крюгеру, чтобы натравил налоговую службу на наследников этого парня. Именно Крюгеру, а не Йоханссону. Тут важны личные контакты, у Йоханссона их нет, а у Крюгера есть. Если удастся провести обыск в офисе, сходи с ними. Я хочу, чтобы ты посмотрела на наследников.

– Думаешь, они замешаны?

– Я хочу, чтобы ты посмотрела на них, – повторил Август. – И ответила для меня на этот вопрос. Но начинать надо с эльфа.

Условиться с Крюгером было легко. Он позвонил сам, спросил, не осенила ли моего шефа какая-нибудь гениальная идея. Идея устроить налоговый обыск в офисе одной из жертв показала ему бессмысленной, но Крюгер обещал помочь. После него, не успела я дух перевести, позвонил Макс. Максимум идеи не требовались, своих хватало, однако я не оценила по достоинству его душевные порывы. Грубо, можно сказать, перебила, потребовав, чтобы он заглянул к Августу с утра и поставил вензель под текстом расширения к договору. Под конец Макс невинным тоном уточнил, что за история с ватрушками; ему, мол, знакомый репортер проболтался о моей выходке.

Да-да, знакомый репортер, ну как же. Насколько я знала, обо мне с ватрушками было одно-единственное упоминание. И ведь не поленился прошерстить все новости. Всю эту любительскую чепуху.

– История как история, – равнодушно ответила я. – Подумаешь, принесла Крюгеру ватрушек из булочной.

– Небось не только ему, – предположил Макс.

– Конечно. Мой шеф тоже их любит.

– А мне почему не взяла?

Я закатила глаза, но ответила вежливо:

– Макс, я же помню, что тебе их нельзя.

– Значит, не взяла, – Макс сделал поразительно логичный вывод. – Спокойной ночи, дорогая. Завтра увидимся.

Я едва сдержалась, чтоб не послать его к черту.

* * *

До Китайского квартала ехать было недалеко, километров сто. По меркам Таниры – совсем рядом. Живи мы на другом краю города, пришлось бы вызывать аэротакси. Или просить у Августа самолет.

Город по-танирски – совсем не то, что город-полис на Земле, Большом Йорке, да хоть моем родном Арканзасе. На Танире город только один, у него даже собственного имени нет: Сити, он и есть Сити. Он растянулся вдоль побережья Солнечного моря на восемьсот сорок четыре километра. Полтора миллиона душ более-менее равномерно размазаны по всей его длине. Город пронизывают несколько трасс, из которых только Прибрежное шоссе почти целиком на поверхности, да еще Центральный проспект частично – в деловом центре, у мэрии и вдоль Оаквилля – выходит наружу. Все остальные глубоко под землей, в скоростных тоннелях.

Танирский квартал – это маленький городок с населением от полутора до двадцати тысяч человек. Между кварталами, как правило, не более четверти часа езды на машине в тоннеле. Поселок при космодроме не имеет статуса города и живет своей жизнью. Есть несколько крупных поместий, они занимаются сельхозпроизводством и называются по-простому фермами, ранчо, плантациями, пусть даже на их территории двадцать деревень с общим населением под пять тысяч. Некоторые поместья примыкают к городу вплотную, но «вплотную» здесь тоже растяжимое понятие. Курорты и отели, что попроще, располагаются на островах. Самые доро-

гие – на побережье, откуда и до гор рукой подать, и культура под боком, и живой персонал, которого в элитных отелях полно, не надо далеко возить.

Старожилы помнят времена, когда ничего такого не было. Какие тоннели, какие отели – даже космодрома не было. А стояли вдоль побережья, раскинувшись привольно от пляжей до предгорья, те самые городки-поселки, связанные узкой лентой Приморского шоссе. И отдельно на полуострове оглушительно вонял рыбой Китайский квартал.

Танира – федеральная планета, и это многое объясняет – и в ее истории, и в том, как интересно мы тут живем. Планета, попавшая в частное владение, первым делом проходит ресурсную оценку, а потом создается генеральный план развития с заделом на столетия вперед. Там может ничего не появиться, на этой планете, там стоит приводной маяк и заброшенный охотничий домик, но построен домик уже согласно генплану. С федеральными все совсем иначе. Если на федеральной планете имеет смысл развернуть крупные производства или значимый транспортный узел, а лучше бы и то и другое вместе, тогда обживать ее будут очень интенсивно, и там вырастут типовые города-полисы. А когда нашлось райское местечко, но прямо сейчас взять с него нечего, заселение пойдет по остаточному принципу: сколько осталось в бюджете, на столько и развивайтесь. Какой генплан, вы что, смеетесь? Строить будут не как удобно, а как выйдем, применяясь к особенностям местности, и в итоге образуется большая деревня, «вписанная в рельеф», то есть в первозданный хаос.

Туристический бум здесь начался лет семьдесят назад, когда на Таниру пришли частные инвесторы. Вот тогда и понастроили тут. И понаехали сюда. И переделали, что плохо выглядело или наводило на грустные размышления. Даже Китайский квартал перестал вонять и начал деликатно пахнуть, хотя все равно на любителя. Но как-то подвинуть обжитую зону или что-то изменить в ее своеобразной планировке было уже либо поздно, либо невообразимо дорого. Пробить скоростные трассы по поверхности – и то не получалось. Тогда придумали, что это местный колорит, и из большой деревни получится оригинальный город, если только обеспечить связность внутри него. Тяжело вздохнули и начали рыть землю.

Из-под земли я сейчас и выскочила, прохватив на автопилоте километров семьдесят по тоннелю – и свернула на Приморское шоссе. Отсюда Квартал, как его для краткости звали местные, был уже виден и казался не полуостровом, а густо и пестро застроенным мысом, который выдается далеко в море. Справа от шоссе в просветах между зеленью поблескивала вода, слева поднимались живописные холмы, фактически уже предгорья.

Первое, что замечаешь, подъезжая к Кварталу, – над шоссе никто не летает. Тут горы подступают близко к побережью, и поэтому воздушные потоки такие, что не всякая машина с ними справится. Вообще над побережьем, и особенно здесь, уверенно и безопасно ходят только мощные, «сильные» машины. Легонькая и слабенькая, конечно, полетит, никуда не денется, но ее будет постоянно болтать, автопилот сойдет с ума, а вести на ручном окажется слишком утомительно. Обитатели Квартала – люди практичные, и ежедневная борьба с воздушной стихией за свои деньги их не увлекает. Они выбирают в качестве персонального транспорта простые автомобили, недорогие и экономичные. И спокойно ездят по земле, не напрягаясь. Если вычесть транспортировку и налоги, эти машины стоят чуть больше материалов, из которых сделаны. Через год их можно сдать в утиль, а к полученной компенсации добавить немного и купить такую же, только новую. Собственно, как отличить с одного взгляда богатый квартал от бедного: в бедном вся техника новенькая и блестящая. Богатые предпочитают эксклюзивные, мощные, долговечные машины и ездят на них по десять лет минимум. Бедные берут пластиковые игрушки, для которых даже ремонтных программ не предусмотрено. Поэтому в бедных кварталах подержанная машина часто указывает на определенную состоятельность и самостоятельность владельца: у него есть деньги на содержание транспорта, который надо обслуживать, и есть моральная сила, чтобы выломиться из общего ряда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.